

ЕВГЕНИЯ АХМАТОВА

МЕЧ
ДО КИЕВА
ДОВЕДЁТ

САГА О ЯРОСЛАВЕ

Сюжеты истории

Евгения Ахматова

**Меч до Киева доведёт.
Сага о Ярославе**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 94(47)
ББК 68.3(2Рос=Рус)6

Ахматова Е.

Меч до Киева доведёт. Сага о Ярославе / Е. Ахматова —
«Издательство АСТ», 2026 — (Сюжеты истории)

ISBN 978-5-17-181865-4

История крещения Руси, княжение святого Владимира, распределение его сыновей по уделам и возникшая однажды братоубийственная война — всё это яркая историческая основа для романа «Меч до Киева доведёт». Но здесь же в стереоскопическом видении автора преломляются дружба и предательство, блуд и любовь, вера и циничное безверие, набег печенегов и приглашение варяжских наёмников. А ещё — постоянные пересечения с более современными реалиями, особенно когда дружина во время пира затягивает известную песню: «Выпьем, дружина, за князя за батюшку, выпьем — и снова нальём!» Прошлое ведь никогда не уходит бесследно, оно здесь, с нами, в наших корнях.

УДК 94(47)
ББК 68.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-181865-4

© Ахматова Е., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгения Ахматова

Меч до Киева доведёт. Сага о Ярославе

Серия «Сюжеты истории»

Искренняя благодарность **протоиерею Вячеславу Куликову** за помощь в описании христианства той эпохи, а также **Дмитрию Даимовичу Данилову**, кандидату исторических наук, за его консультации по ростовско-мерянской части романа.

© Евгения Ахматова, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть первая Ростов

Глава первая

Мальчик огляделся. Укрытый уголок сада, где он любит мастерить игрушки, читать или просто разглядывать облака, как и ожидалось, пуст. Из остального мира доносятся привычные голоса и звуки: напев Тяши, который та заводит, когда спускается к реке за водой; спор его сестриц, кто из них сплёл себе самый красивый венок; самодовольное квохтание кур под мерный стук топора старого Карпа.

Можно начинать. Мальчик закрыл книгу, в которой рассказывалось о невесте когда случившейся великой войне, бережно уложил её в холщовую сумку и положил ту на траву под яблоней. С прошлой весны он взял за правило учиться ходить. Поначалу-то он, заводя эти попытки, не обращал внимания на присутствие домашних. Однако ему быстро надоело их сердобольное участие. Он стал от них прятаться. Как сейчас. Мальчик дотянулся до толстой ветки, непринуждённо подкинул своё тело не по возрасту накачанными руками, добился положения «я стою». Впрочем, он прекрасно знал, что это ещё не совсем так: пока основная часть его веса достаётся рукам и ветке. Дальше нужно чуть повернуться, отпустить правую руку, чтобы нездоровая правая же нога, тут же заныв, получила возможность принять положенную ей часть его тяжести, и, помогая себе второй рукой для равновесия, привычно вздрагивая, пройти три шажочка. Пока ветка не закончится. Потом развернуться – и снова три шага. А потом снова. И снова. И снова.

Сделав положенный себе урок, он, всхлипнув, опустился на землю. Ясное, лёгкое полотнокое лето под синими небесами заливало мир, побуждая всё на свете расти, цвести и наливаться жизнью. В просветах скромной зелени вдруг появилось мелькание куда более насыщенного зелёного пятна. В таком ярком наряде у них ходила только Лада, молодая жена его старшего брата. И точно, через мгновение Лада показалась полностью, вместе с её скользящей, целеустремлённой походкой, довольной улыбкой и нарумяненными щеками. Подойдя к малине, она принялась выискивать алые ягодки и с задорной аккуратностью вкладывать их в губы. Заметив поодаль мальчика, Лада не бросила своего сладкого занятия, только ласково улыбну-

лась ему и поправила на голове кичу – двурогий головной убор замужней женщины, в честь рогатой оленихи, дарящей лёгкое и здоровое чадородие. Братова жена долго не ждала и вскоре после свадьбы оказалась беременна. Он никогда не видел брата таким по-дурацки радостным, как в тот день, когда та рассказала о своей тягости.

Женщина продолжала есть малину, ласково поглядывая на него. «Вот дура-баба», – подумал он чужими, взрослыми интонациями. И ему надоело тут сидеть.

– Ждан! Жда-ан! – крикнул он холопа, в чьи обязанности входило носить его туда, куда прикажут.

Но вместо здоровенного лопоухого детины на дорожке появился Будой, киевский боярин, которого отец перед их отъездом в Полоцк назначил ему дядькой. Будой невысок, коренаст, не слишком примечательной внешности, если не считать двуцветной головы: неповреждённая тёмно-русая шевелюра над рыжими густыми усами, за что он получил прозвище «бурундук», на которое редко обижался.

– А, ты здесь, Ярослав, – сказал Будой.

– А где мне ещё быть? – удивился тот странному замечанию.

Будой пробормотал «ну да, ну да» и сел рядом с воспитанником. Сейчас Ярослав видел, что тот чем-то растревожен, но выспрашивать не стал, по опыту зная: тот и сам всё расскажет. Дядька любил и умел рассказывать.

– Ну вот ты скажи, зачем? – начал Будой медленно и даже несколько бессвязно, постепенно всё более и более вдохновляясь. – Вот если ты велик и могуч... Твоя дружина готова за тобой в огонь и воду, и ты побеждаешь всех своих врагов. И ты живёшь, как и положено жить великому воину и князю. Рубишься в бою, веселишься на пиру... Одариваешь добычей дружину, да, свою дружину...

Ярослав, повинувшись появившемуся тут новому чувству, перевёл взгляд на лицо дядьки. На последних его словах из-под вдохновения вдруг проглянуло что-то приземлённое, какие-то радостные воспоминания, что ли. Будто величественный образ отца, Владимира, великого князя киевского, несомненно, рисовавшийся прежней речью Будоя, растворился, а на его место вышел сам Будой, лихой и удачливый воин. Вот он горделиво принимает из рук князя драгоценные чаши, серебряные гривны, соболиные меха и всю остальную заслуженную им награду. Эта картина была так захватывающая, что замерший мальчик некоторое время не воспринимал, что тот продолжает говорить; заметив упущение, Ярослав тряхнул головой и вернулся к слуху. О, какое наслаждение слушать такое об отце!

Но дальше оказалось не столь чудесно. Теперь Будой, распалясь, втолковывал, что у великого человека и жён должно быть великое множество, и этим тоже он являет свою силу и право водить в бой хоть и менее, но тоже великих воинов; и чем же ещё отличается князь от своего последнего смерда, как не числом жён и наложниц... Ярослав хмыкнул на эту нелепицу: князя со смердом нельзя спутать, даже если первый совсем ещё неженат. Что за глупости!

Услышав смешок, Будой осёкся. Он мельком глянул на мальчика, огляделся, будто кого-то ища. Помолчал и заговорил уже обычным для ушей воспитанника голосом – ровным, чуточку тягучим, внушительным.

– Обедать-то пора. Солнце вона где. Идём, забирайся давай.

Он движением плеч указал, куда именно забираться. Обрадованный Ярослав мгновенно заскочил тому на спину: он любил так передвигаться, это была игра во всадника, да и нога тогда меньше ныла.

– Пойдём завтра утром на рыбалку? – горячо зашептал он в ухо, как раз к месту очутившееся рядом.

Будой засмеялся, отряхиваясь головой от щекочущего дыхания, и уверенно кивнул.

В горнице уже стоял весёлый запах каши с мясом и ухи из двенадцати речных рыбиц. Они с Будоем явились далеко не первыми – вокруг стола с визгом бегают сёстры, Предслава и

Премислава; на лавке усаживается управляющий их хозяйством Одноух, молчаливый швед с резкими чертами лица цвета обожжённой глины (Ярослав почему-то боялся его и старался не привлекать к себе его внимания); матушкина нянька, старая Дажена, за давние заслуги допущенная за господский стол, набирает в миску из парующих горшков подношение домашним богам, которое должен вынести на двор его брат Изяслав как старший мужчина в семье; братина Лада скучает на своём месте. Не хватает только матушки да самого Изяслава.

Наконец послышалась их перебивающая друг друга речь, и в горницу вплыла матушка. Ярослав гордился тем, что всегда, в любой час дня или ночи, здоровая или больная, бодрая или сонная, она выглядела как княгиня: статная, величественная, с прямым и чуть суровым взглядом. Поверх шёлкового платка прилажена серебряная пластина в виде княжьего венца, по наряду из тёмно-красной шерсти весело идут вставки серебряной же вышивки; фибула в ярких пятнах эмали на её плече являет собой знак принадлежности к роду полоцких князей. За ней вошёл Изяслав, светловолосый, на голову выше матери ростом, но так же на голову уступающий ей в величественности вида. Обычно он спокоен и добродушен, но не сейчас. У Ярослава засосало под ложечкой: он почуял идущую от них обоих тревогу. Из приглушённой речи, которую они всё ещё вели друг с другом, до него донеслось имя Анны, новой жены его отца. Он вдруг сообразил, что Будой тоже имел в виду её, ни разу, впрочем, не назвав имени. Хлебая поданное варево, он попробовал понять, в чём тут дело. Из-за чего все так всполошились.

Ну да, его отец взял себе ещё одну жену. Так имеет право. Ну, она царевна из Царьграда. Так этим наоборот надо гордиться. Ну, там ещё отец не только сам крестился, но и, по слухам, твёрдо вознамерился окрестить чуть ли не весь Киев. И что такого? Христиан вокруг и без того достаточно, вона его матушка сама не только христианка, но и дочерей своих окрестила, после того как они все уехали из Киева. Раньше-то отец христиан не очень жаловал, говорят.

Гоняя туда-сюда эти мысли, он одновременно поглядывал на мать и брата. При всей своей внешней несхожести те были очень близки друг другу. Трудно сказать, кто из них на самом деле управлял полоцкой землёй. В любой сложной ситуации каждый из них шёл к другому за советом. Вот и сейчас они между собой что-то обсуждают. Даже несмотря на то, откуда-то понял он, что из-за еды почти смолкли; это, тем не менее, ничуть не мешало им взглядами, движениями пальцев и просто молчанием продолжать обсуждение чего-то очень важного.

В какой-то момент брат перехватил его сосредоточенный, даже насупленный взгляд. Ярослав заметил, что по лицу Изяслава пробежала недовольная гримаска, но и только. Отвлёкшись на мгновение, тот снова втянулся в молчаливый разговор с матушкой.

Ярослав вперился в свою миску и дальше просто жевал. Когда обед закончился, Изяслав торопливо ушёл. Мать тоже поднялась, подумала, но не пошла к себе, как обычно, а подошла к Ярославу. Он с трудом, чуть ли не перенося руками свою правую закоряку, повернулся на лавке, чтобы оказаться к ней лицом.

Она легко присела рядом. На него пахнуло её таким родным запахом. Округлённое лицо, ровный пробор тёмных волос, странно светлые глаза, даже не голубые, а почти белёсые. И этот странный цвет он тоже в ней любил, потому что в гневе её глаза превращались в стальные. Мать положила не по возрасту пухлую ладонь на его голову, взъерошила волосы, заговорила.

– Как ты, маленький?

Не зная, что и ответить, давя зачем-то слёзы счастья от неожиданно выпавшей ему материнской ласки, он только дрогнул губами в застенчивой улыбке и пожал плечами.

– Учишь греческий?.. Учи-учи. – Голос её, вопреки сухим словам, был необыкновенно нежен. – Батюшке твоему теперь понадобятся грамотные люди. Не всем же на рати скакать.

И не удержалась, прошептав «бедненький ты мой». Размякшая фигура сына под её рукой как-то сразу отвердела. Она, спохватившись, продолжила:

– Владимир любит вас, всех своих сыновей. Не оставит никого в беде.

– Я княжич. И буду князем, – сообразил он то, что хотела она ему сказать.

– В каком-нибудь медвежьем углу? Из милости братьев? – покачала мать головой. – Нет, долг князя самому защищать свой удел. Коли не может он этого, то лучше сразу поискать себе долю иную.

Ярослав не нашёлся, что ответить. Да, впрочем, и говорить тут было не особо чего. Он княжич, и будет князем. А мать хоть и княжьего рода, но женщина, и не ведаёт, на что он способен. Он вспомнил разлитую в воздухе тревогу, хотел выпросить, в чём же тут дело, но не знал, как подступиться к вопросу. Наконец, попробовал зайти издалека и поинтересовался, куда так торопливо ушёл брат.

– Проверить, как отстраивают крепостные стены, – вздохнув, буднично ответила она. Помолчала, с новым вздохом погладила его по руке, потом прикоснулась губами к его виску – и отправилась в свои покои для послеобеденного отдыха.

Ярославу же послеобеденный отдых не был положен. После обеда у него, как назло, урок с учителем-греком сначала греческой же грамматики, затем арифметики. После занятий он надолго погрузился в выстругивание ладьи под парусом, такой же, как и настоящая, только в пядь длиной. Лишь вечером, в постели, снова задумался о событиях дня. За окном гас и всё никак не мог погаснуть долгий северный летний вечер. Думать об этой бесовой Анне оказалось уже неинтересно, и мысли его соскользнули к матери и брату.

Конечно, мать добра к нему, но как же он завидует Изяславу! Если бы она хоть раз в жизни посмотрела на него самого так, как глядела сегодня на старшего. Конечно, он знал, почему они так друг друга выделяют, так друг к другу относятся. Когда-то давно – сам Ярослав тогда был очень мал, и ничего из этого память не сохранила – Изяслав с мечом в руке и с риском для собственной жизни спас жизнь матери. Да, после такого мать, конечно, будет всегда смотреть на него как на помощь и защиту. О, если бы он сам однажды спас её! Тогда бы она уже не называла его «бедненьким».

Ярослав с недовольством крутанулся на бок – и ударил кулаком по подушке, потому что и это простое движение отдалось ноющей болью. Он снова лёг на спину и невидяще уставился в потолок.

«Бедненький» ли он? Да, он с рождения калека, едва способен ходить. Помешает ли это ему стать князем? Пока да, мешает. Его младший брат Всеволод уже прошёл обряд возведения в отроки, после которого мальчик учится быть мужем. Всеволода, младшего, посадили в седло, дали в руки нож. Сейчас он живёт в Киеве, у отца, и проходит науку воина и будущего князя.

Ярослав замер от неожиданной ясности: у его старшего брата всегда есть мать, у младшего – отец. И только с ним – никого нет! Мать считает его калекой и думает, как пристроить его, несчастного; отцу же он вовсе не нужен.

Думать так приносило муку, даже большую, чем привычная боль в ноге. Он постарался чем-то отгородиться от этой мысли; к счастью, тут в покои вошёл Будой и принялся, сопя и позёывая, укладываться спать.

– Будой, а Будой! – позвал мальчик.

– Чего тебе?

И вправду, чего? А, вот чего бы ему хотелось у него расспросить. В доме почему-то не особенно любили вспоминать обстоятельства того спасения Изяславом матери; по каким-то обрывкам подслушанных речей или внезапной, но быстро заканчивавшейся разговорчивости свидетелей тех событий, у него составила некая картина, но сейчас он понимал, что она в общем-то была детской. В ней находилось множество непонятностей. Пусть Будой ему и расскажет всё, что знает. И Ярослав, запинаясь, объяснил, чего хочет.

Когда он замолчал, в покоях наступила полная тишина. Ярослав задумался, то ли Будой просто обдумывает свой рассказ, то ли сейчас из темноты вырвется окрик «спи уже, не твоё то дело».

– Да что там рассказывать, – всё же начал Будой своим обычным, тягучим и размеренным, говором; мальчик облегчённо выдохнул и устроился поудобнее, готовясь его слушать. – Самого меня там не было, врать не буду, что видел всё своими глазами, но люди вот что говорят. Одной ночью князь Владимир пришёл к своей жене, княгине Рогнеде, и взял её, и уснул, уставши. Она же, достав спрятанный нож, захотела заколоть его. Но проснулся чутко спавший Владимир и перехватил нож. Разгневался он и, объявив, что повинна Рогнеда смерти, дал ей время для того, чтобы помолиться и одеться как княгиня. Она же разбудила сына своего Изяслава, вложила ему в руки меч и научила, что говорить, когда войдёт его отец. И случилось так, и вызвал сын отца на смертный бой в защиту матери. Но не захотел отец убивать сына своего. Так Рогнеда спаслась от заслуженной ею казни. Но отправил Владимир и Изяслава, и Рогнеду, и всех её остальных детей сюда, в землю Полоцкую. Вот с тех пор мы тут и живём, в построенном молодым князем городке Изяславль. – Последнюю фразу Будой произнёс с совсем другими интонациями и зевнул.

– А почему она решила... того?.. Ну, это самое... – не дал ему так быстро закончить Ярослав.

– Да что тут рассказывать, – повторил Будой и принялся это делать. – К Рогнеде, дщери полоцкого князя Рогволода, сватались и Владимир, и старший брат его, Ярополк. И люб ей был Ярополк, а Владимир не люб, ибо не хотела она сына рабыни. И пошёл тогда Владимир воевать Полоцк, и взял город, и сжёг его. И насильничал он Рогнеду, а отца и братьев её убил. Затем дал ей имя новое, Гореслава, и под этим именем взял её себе в жёны. И свыклась Гореслава с долею своей, и рожала ему сыновей и дочерей. Ну а Владимир, как и положено великому князю, заводил себе новых жён и наложниц, а Рогнеде это было ой как не любо, ну вот она и, как ты сказал, того-этого.

– А Малуша, бабка моя, и правда была рабыней? – не унимался Ярослав.

– Вот ещё чего, – зевнул Будой.

Ярослав продумал услышанное. Получается, что все более-менее важные детали произошедшего тогда он и так, оказывается, знал. Или, верно, догадывался. Хотя нет – было одно, важное, что ему представлялось неверно. Изяслав не сам, своею волею, взял меч, чтобы защитить мать, но был научен ею, что делать и что говорить. Странно. Ему хотелось прояснить причины доверия между матерью и братом, но на самом деле они теперь ему даже менее понятны.

– Будой, а Будой!

– Ну чего тебе ещё?

– А Расскажи мне ещё сказ про Илью Муромца, – застенчиво попросил мальчик.

– Что, опять? – Будой даже засмеялся. – Давай как-нибудь уж в иной раз. Завтра рано вставать, коли рыбачить хотим. Спи уже.

* * *

Изяслав проснулся, как обычно, довольно поздно. Не раскрывая глаз, послушал звуки большого хозяйства, доносившиеся со двора, полусонно потянулся. Потом повернулся к сладко сопевшей жене и, улыбнувшись, долго разглядывал её, соображая, что сейчас сильнее: желание погладить её или нежелание разбудить. Выражение лица той было такое детское-детское, что Изяслав лишь едва коснулся тонкой пряди её русских волос и встал с разметённой постели.

Он натянул на себя длинную холщовую рубаху с грубой одноцветной вышивкой, обычные штаны хазарского всадника, широкие в бёдрах для свободных движений в седле, зашнуровал лёгкие кожаные туфли, выдавшие виды. А потом принялся завязывать пояс жёлтого шёлка с золотым шитьём сложнозакрученного узора и густыми узлами шёлковой бахромы на обоих его концах. Князь мог позволить себе сколь угодно простую одежду, но пояс на нём всегда должен был громко заявлять всем окружающим, кто он такой.

Закончив с облачением, он вышел во двор, умылся из бочки, в которую уже наносили свежей воды с реки. Заодно глянул в её тёмную поверхность, не стали ли заметнее полосы его усов. Светлый мальчишеский пушок на его лице не слишком давно стал принимать хоть какую-то жёсткость, и чёрт его знает, когда усы вырастут до нормальной длины. Он как-то заметил, что его намёк на усы лучше выделяется, если чаще и чище брить подбородок и щёки, и теперь вовсю пользовался этим способом.

На крыльце появилась Тяша – выхлопать дорожки из материнских покоев. Значит, та не только встала, но уже и ушла куда-то.

– Княгиня где? – спросил он девушку.

– К реке спускалась.

Весело насвистывая и поглядывая на собиравшиеся на западе облака, не принесут ли те дождя, Изяслав пересёк двор, извилистой тропинкой вприпрыжку зашагал к лодочной пристани. Там по утреннему времени оказалось пустынно, да и сама мать в одиночестве стояла поодаль, у края начинавшихся слева зарослей ив. Он подошёл к ней.

– Как красива наша земля, – медленно проговорила она, не оборачиваясь в его сторону. – Нет лучше её на всём белом свете.

Изяслав искоса глянул на её лицо, и на него снова нахлынула её скорбь. Усталая женщина, чья молодость и краса давно ушли безвозвратно, всматривалась в играющие блики на воде так, будто пыталась отыскать там своё утонувшее счастье. Он знал, что только ему она позволяла увидеть себя слабой и вздохнул.

– Проклятая горбуня, – глухим низким голосом добавила она. (Молва настаивала, что царьградская Анна была чуть сутуловата и суха.) – Мало ей, всё мало.

Изяслав отвернулся, боясь, что на его собственном лице она прочтает очевидное соображение, которое сама почему-то не замечала, а он опасался показывать ей: гречанке всего лишь удалось сделать то, чего тогда не добилась она сама – ликвидировать всех своих соперниц.

– Быть может, затвориться мне в монастыре...

– Хочешь бросить нас?

– Не знаю, ох, не знаю... Тоскливо мне.

– Скоро внук родится, будет тебя радовать. Да и жена моя совсем ведь ещё дитё, не заменит тебя никак.

Мать бросила на него тёплый взгляд. Изяслав никогда не спорил с нею из-за существовавшей у него непоколебимой уверенности, сколько себя помнил, что она всегда правильно поступает и всегда правильно выбирает. Вместе с тем она неизменно шла к нему в определённых сомнительных случаях, чтобы он переубедил её. Точнее, чтобы он растолковал ей: она обоснованно сомневается и на самом деле лучше так не делать.

– В монастыре тебе уж точно веселее не будет.

– И то верно... Ну, пойдём домой. Что это? – обернулась она на женские вопли.

На кособоре стояла Тяша и, беспорядочно махая руками, что-то истошно кричала. Ветер сносил её крик, но пару слов Изяслав всё же сумел разобрать: «Владимир», «гонец». Он тут же заторопил мать, на особенно крутых подъёмах даже подтягивал её за собой, раздобревшую после всех её родов. Перед самым верхом она опомнилась, вырвала руку и остановилась, чтобы отдышаться и прийти в себя. «Проклятая горбуня...» – сердито прошептала она и поднялась во двор.

Туда со всех концов сходились, сбегались люди. Они скапливались по большой окружности, в центре которой враскоряку стоял невысокий мужчина средних лет, судя по запылённому виду, прошедший несколько дней в седле. Он жадно пил поданный ему челядином квас, зыряка острым взглядом то по собиравшейся толпе, то в сторону пустого крыльца. Рогнеда, сопровождаемая Изяславом, не спеша пересекла двор, величественно поднялась на крыльцо. Воины и челядь радостными голосами приветствовали её. Гонец сунул опустевший ковш в

руки челядину, вытер рукавом усы и прокашлялся. Из дверей вытопал Ждан, с креслицем в руках, проворно сбежал с крыльца. Изяслав проследил его направление – и точно, тот нёс его Ярославу, сидевшему сейчас на руках Будоя. Он хотел было жестами попросить Будоя принести мальчика к ним на крыльцо, но тут раздался зычный голос, и князь забыл об этом своём намерении. Тревожно-радостный гул вокруг быстро стих.

– Здравствуй, Гореслава, здравствуй, Изяслав, здравствуйте, все люди добрые. Меня зовут Дробыч, я принёс вам слова Владимира, князя киевского. Слушайте же их, слушай, Гореслава, слушай, Изяслав, слушайте, все люди добрые, – тут он изменил свой голос на басовито-раскатистый. – Я, князь Владимир, желаю всем здравствовать. Знай же, Гореслава и весь народ полоцкий, что я со дружиной своей принял в городе Корсуни святое крещение...

Тут толпа несколько заволновалась; глашатай помолчал, давая людям возможность, если надо, переспросить друг друга, правильно ли они поняли его слова, и, дождавшись установления тишины, продолжил:

– Знай же, Гореслава, что, крестившись, я взял в жёны Анну, порфирородную царевну ромеев.

Он снова сделал паузу, но тут толпа осталась в целом спокойной, не считая редких криков одобрения дипломатических усилий князя и смешливых советов ему насчёт первой брачной ночи.

– Теперь, крестившись, я должен иметь одну жену, с которой вступил в христианский брак; ты же выбери себе мужа из моих бояр, кого пожелаешь.

Толпа испустила какое-то непонятное «у-у».

Прежним своим голосом глашатай повторил, что это были слова Владимира, князя киевского.

Изяслав ещё раз глянул на мать: последний пункт, про новое замужество, – это новость. Про всё остальное им ещё с весны было известно: частью из настойчивых слухов, частью от оставшихся в Киеве друзей матери. Сам он ещё не мог разобраться, хороша эта новость или плоха, но мать на последних словах побелела.

Слегка качнувшись, она сделала шаг вперёд и принялась говорить в открытое пространство перед собой:

– Слушай меня, Дробыч, и передай мои слова мужу и господину моему Владимиру в точности. Я природная княжна, ею была, ею и останусь. А если он принял святое крещение, то и я могу быть невестой Христовою.

И обмякла. Изяслав подскочил к ней, готовясь поддержать её, если будет падать, но этого не произошло. Толпа зло гудела, сейчас оттуда местами раздавались женские причитания и даже зачем-то детский плач.

– Зачем?.. Зачем ты всё-таки решила на свой монастырь? – зашептал он ей, злясь на опрометчиво и окончательно сделанную ею ошибку.

Она как-то мягко посмотрела на него.

– Ты не понял?.. Замужество с боярином – это не разрешение, это приказ. Я-то его знаю... И у меня нет иного пути избежать выполнения этого приказа.

Она повернулась и молча вошла в дом. Изяслав же, всё ещё злясь, направился к Дробычу, чтобы пригласить княжьего гонца разделить с ними хлеб-соль. Тот стоял на том же самом месте, ожидая, когда к нему подойдёт кто-то из господарей. Гонец с первого же раза согласился принять их гостеприимство. Будь он обычным гостем, ему, конечно же, нужно было бы для порядка два раза вежливо отказываться и соглашаться только на третий уговор.

– Мне ещё вот что велено передать тебе, князь, или матушке твоей. Владимир требует к себе сына своего Ярослава. Если ходить тот начал. Пусть к мужскому делу уж переходит.

Изяслав почувствовал, как у него скривились губы. Он попробовал раздвинуть их, чтобы выдавить из себя «да не ходит он ещё». Не получилось. В этой борьбе между истово желае-

мым и признанием действительного взгляд Изяслава передвинулся туда, где только что был его горемычный брат. И не нашёл его. Да, вон его креслице, в прошлом году сделанное Эдмуном специально для мальчика; вон Будой живо беседует о чём-то с его боярами; вон Ждан переступает с места на место. Ярослава же не видно.

Опешив, Изяслав широко огляделся вокруг. Заметил у своих ног Предславу, с неммым восторгом изучавшую высокие дорожные сапоги гонца. Вспомнил, что она тогда была рядом с сидевшим в креслице братом.

– Где Ярослав, не видела?

Та, не глядя на него, ответила:

– Он пошёл.

– Куда пошёл? – не поняв, переспросил Изяслав. А потом понял и ахнул. – Как – пошёл?..

– Он пошёл, – повторила девочка и для убедительности махнула рукой, куда.

Изяслав бросился в ту сторону. Несколькими широкими шагами пересёк ровное пространство – оказывавшиеся на пути люди отскакивали перед ним, несколько пугаясь его вида, – взлетел высокими ступеньками крыльца, вошёл в дом и, чуть поколебавшись, направился в сторону материнских покоев, через горницу. Через неё и шёл мальчик, не быстро, прихрамывая – но шёл ведь! Невероятно долгое мгновение Изяслав смотрел, как тот сам целеустремлённо двигается. Потом, не помня как, сразу очутился рядом с ним – заметил, что того была крупная, как град, дрожь, – схватил его, не зная ещё, что будет делать: то ли с плачем обнимать его, то ли подкидывать радостно в воздух.

Тут мальчик развернулся к нему, по-волчьи ощерился и, срываясь голосом, проорал:

– Пусти меня! Пусти же, я к матушке!

Изяслав мгновенно отпустил его, мешком сев на пол. Заплакал, стал приговаривать что-то успокаивающее, ласковое. Мальчик почему-то не пошёл дальше; он стоял, покачиваясь от напряжения, что-то неразборчиво бормоча. Дрожь его затихала. В горницу принялись заглядывать люди, Изяслав даже смог отметить, что они растекаются по стенам комнаты так же, как прежде во дворе, привлечённые новым зрелищем. В горницу вковыляла нянька Дажена, остановилась, подслеповато вглядываясь в братьев.

– Чудо! – старушечьи тонким, буравящим звуком закричала она, и, двинувшись странным макаром, словно хотела пойти хороводом вокруг них, то вздымала сухие руки свои к небесам над потолком, то вытягивала их к Ярославу, непрерывно крича: – Чудо! Чудо!

В противоположные двери вбежала мать, ещё недоверчивая к успевшей донестись до неё вести, взмахнула руками, словно крыльями – и приземлилась на колени перед исцелившимся сыном. Поверив, без сомнений и навсегда, она плакала, смеялась и всё целовала его, пока он уже не начал уворачиваться от её губ. Тогда она стала ими шептать: «Чудо, пошёл, пошёл, слава тебе, Господи, слава тебе...»

Трясаясь от рыданий, Изяслав встал. Быстро окинул взглядом собравшуюся суетливо-восторженную толпу, с воющими от радости бабами, поискал Одноуха и кивнул ему, жестом указывая, что тому надо сделать. Одноух кивнул. И вскоре лишний люд освободил их. Чуть позже принялась носиться челядь, готовя праздничное пиршество в честь случившегося с княжичем чудесного исцеления. Сам княжич, в конце концов, сбежал – своими ногами! – от них ото всех в свой любимый укромный уголок в саду, где, как говорили те, кто ходил туда полюбопытствовать на него, неумело ругал их и кидался в них нападавшими на землю неспелыми яблоками.

* * *

В ходе совместных обсуждений жители Изяславля и его округа пришли к почти единодушному мнению, что исцеление княжича стало чудом, которое устроил христианский Бог. Далее мнения расходились: одни видели причину в том, что его отец принял христианство;

другие настаивали, что заслуга-то в решении матери-христианки посвятить себя этому Богу. Сам Ярослав помалкивал, когда в его присутствии вдруг об этом заходила речь: он считал, что пошёл просто потому, что упрямо учился ходить. Правдой, однако, было и то, что в том мертвящем, холодном ужасе, который он испытал, когда мать объявила всему честному люду о своём решении уйти невесть куда, совсем, навсегда, он вдруг перестал ощущать привычную боль в дурацкой неладной ноге. И хоть на следующий день боль вернулась, прилично напугав его этим, с тех пор всё же она стала терпимой. Теперь она не вопила, а просто говорила ему: «сядь, отдохни» или «ступай осторожней».

Многое серьёзно с тех пор поменялось и в их семье. Брат почти перестал бывать дома, занимаясь своими обычными делами да вдобавок ещё и теми, которые раньше вела мать. Ту глубоко потрясло всё случившееся, но поскольку цепь горестных новостей и событий закончилась чудесным исцелением её сыночка, её дитятки, она примирилась с выпавшей ей судьбой. Сейчас она то тихонько наблюдала игры дочерей, то бродила берегом реки, то уходила гулять далеко за околицу. К ним часто стал заходить христианский священник, щуплый бородач-болгарин в тёмной мешковатой хламиде и в тёмной же шапке. До Ярослава как-то донёсся их разговор; болгарин объяснял матери что-то про страдания, чего он не очень уразумел, и что княжич исцелился её решением стать невестой Христовой. Непонятно, зачем ему понадобилось убеждать её в этом, если и так было очевидно, что эта мысль укоренилась в ней чуть ли не с того самого дня и глубоко-глубоко проросла: Изяславу едва удалось уговорить её дожидаться рождения внука и только потом уходить.

Ярослава же торопливо готовили в дорогу, к отъезду в Киев. Теперь выходило, что не мать оставляла его, а он от неё уезжал. И это же совсем другое дело! Ему ладили всякую одежду и обувь, вялили в дорогу мясо, сушили сухари. Сам же он проводил почти всё своё время или в усиленных уроках верховой езды и владением оружием, или упражнял ноги, чтобы те налились мышцами и силой после стольких-то лет сидения на печи.

И вот, как ни думалось, что впереди ещё столько времени, наступил последний его день дома. После полудня устроили пир; потом, оставив гостей за столом, хозяева уединились маленьким семейным кругом, дабы провести оставшиеся часы вместе. Лада пела одну песню за другой, мать сидела в своём кресле, подперев склонённое лицо ладонью, и молча, с тихим светом во всём своём облике смотрела на своих детей. Они же играли то в камушки, то в загадки – все, кроме маленькой Премиславы, быстро уснувшей на полу.

Когда им надоело играть, Ярослав подумал – и принёс все свои игрушки, которые он делал вместе с Эдмуном. Старый воин, который служил ещё отцу Рогнеды, князю Рогволоду, потерял в бою ногу и на общей беде сблизился с маленьким Ярославом. Эдмун умел ловко вырезать из дерева всякую всячину – лошадки, тележки, челны, волки, крохотные мечи и щиты – и научил этому и мальчика. Зимой Эдмун умер, сам же он уезжает, и ладья, которую они вместе успели начать, так, видимо, и останется незаконченной. Ярослав раздарил всё это своё богатство, стараясь выбирать каждому то, что ему больше понравится.

– А тебе что хочется? – спросил он Предславу. Та показала на ладью. – Так она же не доделана. Бери коника.

Дар был поистине щедрый – коника он больше всего любил и одно время даже подумывал взять его с собой в Киев.

– Ладью хочу, – настойчиво повторила она и остаток вечера просидела с ней в обнимку.

Рано-рано утром, холодным, промозглым, несмотря на довольно высоко уже поднявшееся солнце, он в последний раз оглянулся на стоявших в воротах родных – и с хлюпающим носом пересёк черту, отделяющую его прежнюю жизнь от новой, неизвестной и, должно быть, яростно-прекрасной. Он княжич, он будет князем.

Ехали они вшестером и о десяти конях. Будой – куда же без него? Гонец Дробыч, согласившийся подождать отъезда княжича. Двое младших дружинников Изяслава, братья Хват и

Медя, выпросившие у того перейти в дружину его отца. Владимир ведь каждый год ходит в походы, и у него, ясно же, можно крепко разжиться добычей. Ярославу также отрядили в услужение Ждана, неутомимого, надёжного, хотя и не очень скорого умом.

Долгой дорогой Будой порой рассказывал о принятых при дворе Владимира обычаях и порядках, о том, как там всё заведено. Обычно очень немногословный Дробыч (Ярославу даже приходило в голову, что тот, служа голосом Владимира, считает низким делом пользоваться своей речью во всех остальных случаях) через некоторое время стал хмыкать, а потом и вовсе поправлять рассказчика: нет, так, может, когда-то и было, но сейчас уже вот так и так. Будую это не нравилось, и однажды между ними случилась бурная ссора, чуть не переросшая в поножовщину. Как-то удалось их развести, но вскоре выяснилось, что поле битвы таки осталось за Будоем: больше витию уже не перебивали и не поправляли.

Когда они выехали из редколюдного Полесья, Дробыч начал расспрашивать встречавшихся, не знают ли они, вернулся ли князь в стольный город. Чем дальше к югу они продвигались, тем чаще уже попадались городки и городища, и тем крупнее, заселённое они были. Только на последнем переходе к Киеву Дробыч получил нужный ему ответ – да, вернулся князь, с дружиной, богатыми дарами и новой женой.

Киев оказался таким громадным, что Ярослав в какой-то момент даже устал ехать и ехать по нему, и всё никак не приехать.

– Это последний подъём. Вот-вот будем на месте, – постарался утешить его Будой.

– Да он бесконечный, – буркнул Ярослав.

Но крутой подъём наконец перешёл в ровную, обширную площадку. Там они въехали в хорошо укреплённое место – в нём, наверное, поместилось бы с десяток Изяславлей. Это и был долгожданный двор князя и отца его Владимира.

Они все спешили. Будой с Дробычем ушли узнать, куда поселиться приехавшему княжичу со товарищи. Ярослав нашёл место, где можно присесть, и принялся разглядывать ходивших мимо него усачей...

– Вставай! Уснул тут... – Голос Будоя вырвал его из дремоты. – Владимир хочет тебя видеть. Идём!

Ярослав потряс головой, стараясь избавиться от тошнотворного состояния сонливости с усталостью пополам.

– Батюшка?..

– Батюшка, батюшка. Идём!

Они подошли к огромным хоромам со свежевыкрашенными в красный цвет стенами, где по крыльцу, беседуя, расхаживали трое – точнее же, ходил и говорил один, а двое двигались рядом с ним и что-то ему отвечали. Княжич со своим дядькой тоже поднялись туда.

– Что хромаешь, как утка? – обратился к нему вот тот один. – Ну здравствуй, сын.

Ярослав замер, во все глаза глядя на высокого, крепкого мужчину лет тридцати пяти, весьма похожего на Изяслава – как волк, в общем-то, схож с дворовой собакой. Тут он почувствовал нетерпеливый тык в спину и, опомнившись, торопливо бросился бить земной поклон.

– Идите на Почайну, там вас окрестят. Вечером к моему столу, – спокойно приказал Владимир и, ещё раз окинув взглядом фигуру сына (Ярослав от этого задрожал), вдруг добродушно улыбнулся ему и вернулся к прерванному разговору с теми двумя.

Они сошли с крыльца, откуда-то возник молодой гридень и двинулся впереди них, указывая дорогу.

– Это как нас окрестят? – осторожно поинтересовался у проводника Будой.

– Как-как, в реке, – ответил тот. – Первый раз крестишься, что ли?

– Ну, не первый... То есть первый. А это обязательно?

– Обязательно, – улыбнулся юноша, на взгляд Ярослава, выглядевший так, будто у него за плечами была уже не одна битва.

Пока они спускались – о, эти киевские подъёмы и спуски! – и пока продолжалась их беседа, довольно однообразная, Ярослав ушёл в свои мысли. Детская память хранила нечастые встречи с отцом. Вот отец стремительно проходит совсем рядом с ним, сидящим за столом. Вот он входит в покои, где мать заплетает косу, говорит ей что-то, а она отшатывается и бросает на пол гребень. Мелькали и другие воспоминания, когда отец или тоже проходил мимо, или проезжал во главе таких же красивых и гордых всадников. Но сегодня... Что это было? Он всё никак не мог разобраться. Может быть, это пугающее ощущение, которое круто исходило от отца, и есть то, о чём тогда говорил Будой, повторяя «великий», «великий»? И мальчик успокоился, придя к такому выводу.

Впереди них нарисовалась речка.

– Это Днепр? – удивился Ярослав. Ему рассказывали, что киевская река широка и полноводна, а тут какая-то фитюлька.

– Нет, его приток, – объяснил Будой. – Почайной зовут.

Они вышли на пологий песчаный берег, где двигались мужчины, десятка два-три, все поголовно ратного вида; кто-то из них скидывал с себя одежду, кто-то выходил из воды в мокрой рубахе, кто-то ещё стоял в воде по шею. В центре недвижно высился бородач (в такой же хламиде, как у того болгарина, ходившего к матери, только из яркого алого шёлка, и вместо простой войлочной шапки на нём был высокий и причудливый бело-алый, блестящий на солнце убор).

Гридень подвёл их к нему. Ярослав с удивлением заметил мокрые рукава и подол одеяния священника: он, оказывается, в своём невероятно дорогом шёлке тоже заходил в реку!

– Скидывайте всё до рубахи, – монотонным басом буркнул Ярославу и Будую бородач по-гречески, посмотрел сначала на облака, не ждать ли дождя, потом на пустынный спуск за их спиной, и вздохнул. – В воду давайте.

Ярослав послушно разделся, приготовился к встрече с оглушающим холодом под весело серебрящейся рябью, но Почайна несла тёплые воды. Поглядывая на окружающих, он делал то же, что и те: нырнул и посидел там, наслаждаясь невесомостью и мягкостью воды. Потом поднялся глотнуть воздуха. Священник держал над головой крест и что-то пел густым басом. Рядом, дрожа не то от холода, не то от волнения, шёл вглубь Будой. Ярослав подумал-подумал и по-собачьи поплыл от берега, наслаждаясь купанием. Плавать-то он любил, только никогда их Свислочь не прогревалась до такого парного молока. Кто-то сзади крикнул ему, чтобы он возвращался и не дурил, и Ярослав с сожалением подчинился. Когда выходил из воды, священник объявил ему, что крестит его именем Георгия. Ярослав благодарно кивнул, старательно повторил за тем крестообразное движение правой ладони с оттопыренными пальцами и принялся шагать по приятно опадающему под ногами горячему песку, сохнуть.

– Вот такие вот пироги! – с детским изумлением приговаривал тоже уже вышедший на берег Будой. Ярослав глянул на него, обтекающего, вспомнил, с каким снисхождением всегда говорил тот о христианах и об их изнеженной вере – и расхохотался.

Вечером их отвели в громадное помещение, где уже накрывали столы. Эта часть рассказов дядьки оказалась верной: Владимир почти каждый вечер закатывал пиры для своей дружины. Из собравшихся Ярослав признал только крестившего его бородача (грека по имени Анастас Корсунянин, как ему уже рассказали; он возглавлял группу священников, приехавших с князем из его последнего похода со свадьбой пополам) да одного из тех, с кем Владимир тогда беседовал на крыльце (потом он узнал, что это тоже грек, который должен был поставить в Киеве новую церковь по-царьградски). Кроме того, Будой украдкой указал ему на Добрыню, дядю Владимира по матери, и шёпотом наказал ему быть с тем поосторожнее.

Их с дядькой посадили на вполне почётное место. Пиршество залихватски-весело гремело, рекой лились меды, пиво и вино, слуги подносили жареное мясо и варёную рыбу, хлебы

и пироги, между столами выплясывали дудочник и игрок на трещотке, внося свою лепту в окружающий шум и гам.

Ярослав постоянно поглядывал на отца, всматриваясь в его удлинённое, очень загорелое лицо в сетке морщин, в грубый подбородок с чуть выступающей вперёд нижней губой, смотрел, как тот хмурится, хохочет или о чём-то задумывается. Одет Владимир добротню, но вряд ли богаче, чем большинство здесь находящихся. Даже пояс у него не особенно впечатлял. Зато очень впечатляли серые глаза, с настойчивой внимательностью и интересом всматривающиеся почти во всё, на что падал его взгляд. Когда они затуманивались какой-то мыслью – а такое случалось часто, – Ярослав пытался догадаться, о чём тот сейчас думает. Иногда князь вставал и подходил к кому-то для негромкого разговора.

Возвращаясь в очередной раз на своё место и проходя мимо Ярослава, он вдруг повернулся – и крепко уселся рядом с ним.

– Как матушка твоя, как Изяслав? – спросил отец, посмотрев на него при этом своим острым и заинтересованным взглядом.

– Благодарствую, батюшка, брат жив-здоров, первенца ждёт. Матушка, по воле твоей, выбрала себе иного супруга, но не боярина, а Христа.

Владимир откинулся назад и негромко, но искренне захохотал. Смеялся он обычно так, что ему в ответ хотелось улыбаться даже если было не особенно понятно, над чем он сейчас раскатисто хохочет.

– Вот стерва баба. Но умная же! Всегда ею была. Пускай, меня и это устраивает. Каким именем тебя окрестили?

– Георгием, – неуверенно припомнил мальчик.

– Сильный святой. Да и воин. Ты ратному делу обучен?

Тут вмешался Будой, до этого тихо прислушивавшийся к их разговору.

– Учил я его, князь, всему, что сам знал – учил. Захочешь, так покажет он тебе.

– Добро, как будет время, позову вас, проверю, – кивнул Владимир. – Греческий знаешь?

– Немного. Но учу ещё, – поправился он.

– Учи-учи. Мне грамотные люди теперь нужны будут. Только ратничать – это мало князю-то.

И тут он задал вопрос, кто такой Александр Македонский, да ещё на греческом. Ярослав напрягся, но, запинаясь в те моменты, когда не помнил точно, какая где должна быть грамматика, что-то всё же ответил. Владимир кивнул, и на шведском уже спросил, сколько дней плыть от устья Невы до Готланда. Ярослав обрадовался такому простому заданию и быстро оттарабанил. Сколько овса нужно взять в поход на две недели, если всадников девять, а коней у каждого по два, а каждый конь ест в день по четверти пуда овса? Напряжённо морща лоб и шевеля губами, Ярослав выговорил, наконец, сколько; тут же понял, что ошибся, пересчитал, дал новое число; снова сообразил, что дал промашку в ещё одном месте – и окончательно впал в арифметический ступор. В глубине его сердца возрастал гнев – это было явно не то, чем стоило бы заниматься на княжьем пиру.

– Угу... – пробормотал задумавшийся князь. – Значит, так. Я решил. Тебе – Ростов.

– Княжить? В Ростов-то? – аккуратно переспросил Будой, чуть склонив набок голову.

– Да, – весело подмигнул сыну Владимир.

Сердце Ярослава оборвалось. Это как раз был тот медвежий угол, которым пугала его мать. Леса, болота, чудной лупоглазый люд. И медведи, медведи, медведи.

– Князь, не вели казнить... но Ярослав ещё не... не возведён в отроки.

– Что так?!

– Ждали же, когда пойдёт, – взмолился воевода.

– Так... Послезавтра утром, сразу после завтрака в гридне. Возле красного крыльца. Подготовь всё как следует – княжича будем сажать на коня! Я сам приду смотреть.

– Сделаю! Всё сделаю!

Владимир наклонился вперёд, как делают, когда делятся чем-то тайным, и внушительно шепнул:

– А сделали бы сразу, может, и пошёл бы раньше.

Будой не понял, шутит сейчас князь или говорит серьёзно, но на всякий случай согласно кивнул.

Владимир встал и, не обращая больше внимания на них, вернулся на своё место.

– Ах ты ж чадо ты моё... – почти запел ослотивший Будой. – Ростов! Клянусь Перуном! Ой-ой-ой!.. А чего это ты? – заметил он наконец горестные глаза воспитанника.

– Медвежий угол... – забормотал тот. – Это же медвежий угол.

– Ну и что? – пожал плечами воевода. – Росто-ов!.. А медведи-то не дураки, в плохих местах жить не станут.

* * *

Не дождавшись конца пира, Владимир дал знак Анастасу и вышел во двор. Солнце только что закатилось за горизонт, стояли светлые сумерки, со стороны Днепра тянуло прохладой.

– Ну как, что сегодня? – спросил он у вышедшего вслед за ним грека.

– С сотню, да только почти всё – твои мужи, князь, – ответил тот.

– Киевляне не идут?

– Не дальше, чем в заросли вокруг и по склонам. Заявляются группами и поодиночке, издали наблюдают. Близко не подходят.

– Веселы они или хмурятся?

Анастас задумался.

– Не то что веселы... Но да, скорее посмеиваются, чем сердятся.

Владимир жестом подозвал проходившего мимо гридня и сказал, чтобы тот сходил за Добрыней. Когда дядька появился из хором – стены которых, казалось, тряслись от ритмично-лихого припева застольной песни «Выпьем, дружина, за князя за батюшку, выпьем – и снова нальём!», – Владимир обратился к нему по-славянски, ибо с греческим у его дядьки было глухо:

– Киев-то не крестится?

– Не крестится, княже, – согласился Добрыня, с жёсткими складками угрюмого лица и со сбитым в правую сторону носом, сломанным в уличной драке ещё в отрочестве. – Хочешь, заставлю?

– Погоди. Пустил ходить людей, рассказывать о крещении, как я велел?

– Ходят, а то как же. Нахваливают. Одному морду расквасили. Так, может, мне-то лучше поговорить с ними?

– Погоди, – повторил Владимир и прищурился в лёгкой задумчивости. – Лучше пока ещё добром к ним. Пусть поутру на торгу такие слова мои выкликнут, – и он не спеша, обдумывая формулировку, произнёс: – Если не придёт кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом.

– Тоже верно, – кивнул Добрыня, – кто ослушается тебя, имущества лишить, самого казнить.

Не прощаясь, он ушёл выполнять приказание. Владимир повернулся к Анастасу и перевёл тому своё решение. Грек с нарочитой надеждой поднял глаза вверх, зашептав молитву. Владимир прислушался: какая-то новая, неизвестная ему. Впрочем, не много их он ещё и слышивал, а наизусть повторить вообще мог только одну, где человек просил небесного отца о хлебе. Ему объясняли, чтобы он читал её, сам, в одиночестве и размышлениях о своих грехах, но он всё никак не мог привыкнуть, что нужно самому и уединённо совершать какие-то риту-

алы. Там, откуда были родом его предки, в далёкой туманной дали, заниматься магией имели право только женщины, мужам же сие зазорно. Кроме того, он стеснялся обращаться к небесам с такой ничтожной просьбой, насчёт хлеба-то.

– Не бойсь, окрестятся мои киевляне. Придут, увидишь, – и, попрощавшись с собеседником, пошёл дальше через двор, но, пройдя пару шагов, остановился и обернулся. – А, вот ещё. Что любят царьградские жёны?

– Священник я, – осторожно начал Анастас после паузы, – не так много с ними приходилось общаться. Кроме как на исповеди. Грешить они любят, как и все мы, многогрешные. Мать Анны любила благовония. Грех это тщеславия, но простительный.

– Где ж я ей сейчас благовония найду?

Анастасу показалось, что тут князь не столько к нему обращается, сколько к себе самому, и промолчал.

Владимир вернулся к прерванному, размеренному и крепкому шагу. Сегодняшнюю ночь ему хотелось провести с молодой женой. Ну как молодой – двадцать пять лет, у некоторых в этом возрасте уже дочери невестятся. Но царица на то и царица, что выглядела и в эти годы почти юной. Странная она, никак не похожа на всех тех женщин, которых знал Владимир, а ведь не так много было соседних стран, из которых бы в своё время не прислали своих дочерей ему в жёны. Но то и не удивительно – Царьград, он один такой, величайший и прекраснейший. Значит, и царицы там подстать. Владимир с досадой чувствовал, что робеет перед ней. И дело-то не в том, что она дочь императора и сестра императора – без ложной скромности Владимир видел себя равным им. Что-то в самой Анне удерживало его от того, чтобы он начал вести себя с ней, как со всеми своими жёнами. Это злило, но, с другой стороны, странным образом ещё больше притягивало его к ней.

Он вошёл в женины покои и, смеясь, отступил перед шумной стайкой испуганно вылетающих девушек, пропуская их через неширокий и невысокий дверной проём. Он хотел шлёпнуть одну, особенно красиво пробегающую мимо, но та с писком увернулась и сумела выскользнуть нетронутой, обернувшись в дверях к госпоже. Анна сидела на резной табуретке, складки белой свободной накидки из тончайшего льна струились по её по-девичьи тонкой фигуре. Девушки не успели что-то соорудить с её волосами, и сейчас она уже распускала косу. В комнате горели свечи, подрагивал светлячок лампадки под иконой в одном из верхних углов. И да, действительно, стоял нежный запах каких-то благовоний, впервые учуял он.

– Радуйся, – по-гречески поприветствовал он её.

– Радуйся, господин супруг мой, – встав, ответила она.

Он сел на другую табуретку, посмотрел себе на ноги. В покои вернулась одна из девушек, принялась стаскивать с него сапоги. Владимир вспомнил, как долго и нервно шли переговоры с мамками царицы, в результате которых сама невеста в первую брачную ночь всё же разула его, как того требовал принятый на Руси свадебный обычай. При этом сапоги, договорились, были новые-ненадёванные. Насчёт же последующих ночей столковались, что разувать его будут её девушки.

Анна присела на своё место и посмотрела на него своими большими, блестящими, как вишни, глазами. У неё была привычка – время от времени широко раскрывать их, и в эти моменты она казалась для Владимира ещё желаннее.

– Как ты? Всем ли довольна?

– Благодарю, господин супруг мой. Слава Господу нашему, у меня всё хорошо.

– Ну, если чего захочется – сластей каких, или жемчуга для украшений, или чего ещё – не робей, проси.

– Спаси тебя Бог за доброту.

Владимир понял, что и дальше разговор будет течь по этому руслу. Своим опытом он чувствовал, что в Анне таится страстность, но всё никак не мог извлечь её. Её страстность – да и сама она, надо признать – всё время ускользала, пряталась, не давалась в его руки.

Он пошевелил пальцами ног, радуясь чувству свободы от стесняющей обуви.

– Что ты заладила, «Господи» да «Боже», – передразнил он её и вздохнул.

– Я всей своей жизнью служу ему, – широко раскрыла она свои очи.

От этого её движения Владимир почувствовал, что у него закружилась голова, и он встал, позволяя растёгнутому уже кафтану упасть с плеч. Переступая через него, с мягкой убедительностью и низким голосом он заговорил:

– Жена должна прежде служить мужу. А муж уж будет служить Богу. И никому не ведомо, кто ему больше послужит.

Анна опять поднялась и послушно пошла к их ложу.

Следующие дни Владимир был очень занят. Он часто ходил к Почайне, с удовлетворением и даже гордостью наблюдая, как волнами идут горожане, и старые, и малые, и богатые, и бедные. Желавших креститься оказалось так много, что Анастас позвал своих помощников; поначалу они ещё разнообразили имена, но потом, чтобы избежать путаницы, крестили всех одинаково – мужчин Иаковом, женщин Мариєю. Владимир решал, где ставить новую церковь, чтобы как в Царьграде блестела и звонила, пусть и поменьше размерами, и на какую смету рассчитывать греку-строителю. Он спорил с Анастасом, из чьих детей брать в школу, где будут учить служителей новой церкви и будущих, ещё даже не заложенных, – детей боярских да купеческих или всех, кто покажет ум и проявит желание. Он попросил Добрыню отправить кого-то из своих людей пройтись по купцам, есть ли у тех царьградские благовония, а если нет, то пусть поскорее привезут ему оттуда, самых лучших. Он сходил посмотреть, как сажали в седло сына, давали ему в руки меч и срезали прядь волос.

Обряд закончился, отрока сняли с коня. Тот стоял, горделиво-недоверчиво оглядываясь, то загораясь радостью, то уходя в какие-то свои мысли. Заметив отца, Ярослав пошёл к нему. Но тут Владимир сам двинулся ему навстречу, чтобы избавить себя от раздражения видеть, как хромает его сын. Подойдя к нему, он потрепал его по вихрам и сказал, что им надо поговорить. Кивнул клочкующему восторгом Будюю, и они втроем уселись в тенёчке.

Владимир начал с того, что им придётся поторопиться с дорогой в Ростов, дабы успеть до осенней распутицы. Потом принялся подробно рассказывать, в чём будут заключаться обязанности ростовского князя, при этом чаще обращаясь не к самому князю, а к его дядьке. Перво-наперво собирать дань, обращать в серебро и две трети отправлять ему сюда. Далее, князь должен оборонять удел свой от врагов. Да, до Залесья почти не добегают печенег, зато там шалят вятичи, да и свои разбойнички могут крови попить честным людям, от чего те меньше платят дани. Третье, что тоже важно, – вести княжий суд тогда, когда участники спора не могут разойтись сами и им нужен равноудалённый от них судия, и когда община не может обеспечить им беспристрастность.

– Ну и вообще присматривать за ними надо, – недобро улыбался Владимир. – Так-то люд сам собой управляет. Но за ними нужен глаз. Особенно за теми, кто имеет силу на вече. Найди таких и сделай их своей опорой, следя, чтобы они не сговаривались промеж собой, но враждовали.

Владимир говорил о том, что нужно крестить и ростовскую землю; что сначала в Ростове, а потом и в других городках князю следует ставить церкви. Что самому князю нужно будет продолжать своё обучение как военному делу, так и грамоте.

Новоиспечённый князь, мальчик восьми лет, недовольно спросил:

– А что, разве самое главное дело князя – не сражаться?

– Сражаются дружинники, сын. На долю же князя приходятся думы и особый труд: даже когда он идёт в поход, он заботится о том, чтобы собрать достаточно людей, оружия и коней,

чтобы хватило мяса людям и овса коням, чтобы дойти до нужного места, никого не потеряв в дороге, чтобы правильно выставить полки. И после всех этих трудов лишь немного яростной схватки самой битвы.

– А ведь точно, – впервые заговорил Будой; до этого он только кивал да изредка переспрашивал. – Вроде бы ж и знал это, а уразумел только сейчас.

Владимир, наклоня голову, посмотрел на него. Потом, когда они уже расходились, он склонился к сыну и негромко сказал ему:

– И да, я надеюсь, что ты будешь умнее, чем твой дядька. Слушай его, он куда опытнее, чем ты, но решения принимай сам. Хорошенько прежде подумав, со всех возможных сторон.

И, ещё раз потрепав его вихры, он ушёл.

Глава вторая

Если вы никогда во время путешествия не слышали от спутников «Отсюда начинается твоя земля», а потом не шли день, два, три, а вокруг всё лежала, раскинувшись во все стороны, ваша земля, с её лесами, рощами, реками и озёрами, что вы знаете о жизни? Обширна ты, Залесская земля, и Ярослав во все глаза всматривался во всё, мимо чего они проходили, оглядывал, оценивал, запоминал. Людей встречалось мало, а селищ ещё меньше. Жители этих мест, невысокие, коренастые, настороженные, старались не попадаться им на глаза.

– Помнят ещё, как наши ловили их и продавали на итильских базарах, – говорил глава их отряда Волерегред, который не раз ходил этим путём. – Не забыли.

Проезжая один раз мимо буйных зарослей ольхи, Ярослав увидел в них такое же заросшее, косматое, прорезанное глубокими морщинами лицо не старого мужчины. Несколько мгновений они прямо смотрели в глаза друг другу; когда же Ярослав потянул руку к Волерегреду, чтобы привлечь и его внимание, леший тут же исчез.

– Вот поэтому я и говорю не снимать шлем, – буркнул тот. – Хотя они и в глаз стрелой могут попасть.

Иногда попадались селения, где можно было поближе познакомиться с местными, не убегающими от одного их вида. На вид более дородные и кряжистые, чем лесные, они оказывались неразговорчивыми, прижимистыми, упрямыми.

Но вот, наконец, и Ростов – городище с рассыпанным вокруг него посадом. Зубастый частокол, поднимающиеся над стенами пристройки с узкими оконцами. Избы посада похожи на громадные птичьи гнёзда, с таким же тщанием сплетённые из брёвен различной ширины, длины и степени ровности. Долго перекрикивались с парой воинов на стенах, объясняя, кто к ним приехал. Наконец им открыли ворота. Городище неожиданно оказалось почти пустым. На них сбежалась зырить челядь, да за теми гриднями ковылял третий, покалеченный. Один из холопов бросился куда-то; вскоре во двор въехал статный, высокий воин, скуластыми чертами вдруг схожий на местных мерян. Рядом с ним трусило несколько молодых всадников.

– Я – ростовский наместник Одолют, – представился он.

– Ростовский князь Ярослав Владимирович и я, его дядька Будой, – выступил вперёд торжественный боярин. – А где все?

Одолют посмотрел на насупившегося отрока с княжеским поясом, на котором видел длинный нож вместо ещё недоступного по размеру меча; оглядел сердитого вида дядьку, в сени которого стоял князь, и заговорил, смотря в глаза отроку.

– В поле. Учатся. Трое ушли по Саре, должны к вечеру вернуться.

Ярослав заморгал; он почему-то не таким представлял себе местного наместника. Он решил отойти в сторону, пройтись, что ли, осмотреться. Во дворе то тут, то там стояли группки работников или холопов. От одной из них до него донёсся тихий голос: «Глянь, хромает». Он расправил плечи, не по возрасту широкие, упёр ладонь в пояс, на котором висел короткий меч. Сработало. Как же ему раньше не хватало пояса с мечом!.. Он шёл мимо бревенчатых зданий разной величины и сложности: вот конюшня; вот дровяной сарай, неинтересно; вот, видимо, баня; вот ещё какой-то сарай, ворота заперты на замок. Оружие и снаряжение, что ли, там хранят? Или собранную дань? Далее шёл ряд жилых хором, тоже разного размера. Всё выглядело добротно, хотя и не ново.

– А что вы здесь держите? – кивнув в сторону непонятного сарая, спросил Ярослав не спеша шедшего за ним наместника.

– Меха, дёготь, воск, мёд – пока не отправим на торг.

– А где этот торг?

– Далеко, вниз по Волге. У болгар.

Ярославу вдруг показалось тесно в городище. Выйдя за ворота, он спустился по деревянному настилу к озеру – впрочем, по сравнению с киевскими спусками это был не спуск, а ровная дорожка в несколько шагов. Настил прошёл над илистым берегом и закончился лодочным причалом.

– А что там? – спросил Ярослав, указав рукой на тонкую длинную нить какой-то суши с той стороны озера.

– Там Ростов.

Опешивший Ярослав поднял глаза на Одолюта. Тот пожал плечами – мол, как можно не понимать таких простых вещей, – но всё же стал объяснять.

– Здесь тоже Ростов. Там старое городище, местные его поставили задолго до того, как мы сюда пришли за данью. Княжья дружина сначала поселилась там, но лет сорок назад, говорят, что-то не поделили местные и наши, и мы перешли сюда. Когда хотят уточнить, какой именно Ростов, иногда добавляют «старый» или «новый». Хотя местные то городище чаще зовут просто Сарским.

С неба стало накрапывать. Ярослав хотел не обращать на это внимания, но наместник сказал:

– Дождь. Идём, князь, под крышу. Это надолго.

В том, как он произнёс «князь», Ярославу почуялось что-то снисходительное. Отрок глянул на по-мужски ладную фигуру наместника, на его спокойное, ровно очерченное лицо, вспомнил, как тот нарочно ходил рядом с ним, чтобы отвечать на его вопросы – и решил пока не сердиться.

– А что случилось с тем, который теперь... – Ярослав на мгновение замялся, не зная, что выбрать, «который теперь хромает» или «который теперь не воин», и выбрал-таки последнее.

– А на медведя решил сходить, – хмыкнул Одолют. – Кто завалит медведя, того все очень уважают. Теперь по лесу бродит медведь, которого уважают собратья за то, то он завалил гридня.

– Но он же живой?

– Да разве это жизнь? Ни на коня сесть, ни девку обнять.

Ярослав замолчал, обдумывая услышанное. Когда они вернулись во двор, там оказалось ужелюдно. По лужам шлёпали отроки и гридни, рассёдлывали лошадей, смеялись и беззлобно переругивались. Потом отроки схватили под уздцы боевых коней, по двое-трое на брата, и отправились чистить тех к озеру, не обращая внимания на зарядивший холодный осенний дождь. Остальные же поднимались в хоромы. Гости вошли вместе с ними.

Одолют показал им столовую, где можно было дожидаться скорого обеда. Это была длинная комната с рядом узких окошек под потолком, через которые скорее просто показывались сизые тучи снаружи, нежели освещалось помещение. Сюда постепенно начали забегать освободившиеся отроки. Они рассаживались по местам, задорно зыркая на князя и его личную дружину. Кто-то из них выглядел старше Ярослава, кто-то моложе, но, в общем и целом, это были его сверстники. А со сверстниками у него до сих пор не особо задавалось: и потому, что сам он был княжичем, а большинство из соседских мальцов в Изяславле – сыновьями простого люда; и потому, что он рос калекой, а они – беспечно здоровыми.

– Ты князь? – подскочил к нему отрок, судя по уверенному виду, старшой у них, и смерил его с ног до головы испытующим взглядом.

Ярослав привычно распрямил плечи и уставил правую ладонь в пояс:

– Князь.

– А-а, – протянул тот, с всё тем же огоньком любопытства в глазах, и улыбнулся. – А меня Зыкою кличут.

– А я Ярослав Владимирович, – представился князь, приняв данный поворот разговора со смесью облегчения и разочарования.

В комнату стали вносить горшки с едой. Зыка скакнул на своё место и одним ловким движением уселся на лавку. К Ярославу подошёл Одолют и пригласил его к столу на возвышении. Его место – посередине стола, лицом ко всем остальным присутствующим, княжеское место. «Но я ведь и вправду князь?» – мысленно напомнил себе Ярослав, постаравшись принять величаво-спокойный вид. Справа от него сел Одолют, слева – Будой. Двое бояр, Слетен и Мальфред, заняли самые почётные места в левом и правом ряду столов, лицом друг к другу.

Когда все расселись и наступила относительная тишина, Одолют объявил присутствующим, что они и так уже знали: к ним приехал из стольного города Киева князь Ярослав Владимирович со своею дружиной и холопами. В скором времени вся ростовская дружина принесёт ему присягу о верной службе. Бояре и гридни весело пошумели, Одолют сел, начался обед.

– А кто это с тобой приехал? – спросил Одолют Ярослава, указывая взглядом на бородача южного вида.

– Это поп Илия. Его отец сюда послал, крестить ростовскую землю.

– А зачем?

Ярослав задумался:

– Не знаю. Но отцу виднее.

– Грек?

– Да. Из Корсуни.

Наместник встал и прошёл к нему. Ярослав видел, как он о чём-то с ним говорит, как прикладывает ладонь к груди и слегка наклоняется в его сторону. Грек закивал и пересел за княжий стол, напротив вернувшегося с ним Одолюта.

Ярослав заметил, что Одолют слегка озадачен видом и повадками Илии; он и сам тоже немало дивился этому, пока за время совместного пути не смирился уже с его какой-то бабьей добротой, с его искренней охотой в любой момент помочь или приободрить. Илия любил ласково беседовать с подлетавшими к ним пичугами, а однажды на привале всерьёз строго отчитал гадюку.

– Так, говорят, – кивнул Одолют в сторону Ярослава, – Владимир желает окрестить нас всех?

– Да, воин, – живо закивал Илия, бросив радостный взгляд на князя-отрока, – слава Богу, святое крещение!..

Илия, долговязый и нескладный, сидел перед ними не то что бы ссутулившись, но его постоянная готовность закивать собеседнику или как-то иначе согласиться с ним уже впечаталась в его шею и плечи. Однако, при всём своём деятельном дружелюбии, Илия, неплохо понимая славянскую речь, упрямо болтал только на своём родном эллинском. Это порой утомляло Ярослава, поскольку именно ему приходилось толмачить всем желающим, что сейчас сказал им этот грек.

– Ну, дружина-то выполнит волю князя-батюшки, а насчёт остальных я не уверен.

– Ничего, ничего, слово Божье-то во все уши входит! Последние времена наступают, как не торопиться-то?

Одолют неизбежно засмеялся, и они принялись спорить и выяснять. Илия действительно торопился объяснить: то возвышал голос, то певучим басом выделял цитаты из своего писания; Одолют же больше слушал, иногда подшучивал, не зло, как казалось Ярославу, но под конец разговора всё же поверг собеседника наземь, ехидно поинтересовавшись, как тот собирается вкладывать в уши, если не говорит по-славянски.

– Ну и что? – Илия несколько опешил. – У нас все понимают эллиники.

– А у нас не все. Точнее, почти никто.

– Ну ты же, воин, меня понимаешь?

– Понимаю, – хохотнул тот, – потому что он мне толмачит, не заметил, что ли?

Илия удивлённо посмотрел на действительно что-то бормотавшего Ярослава и ушёл в какие-то свои мысли.

Вечером, когда все уже готовились ко сну, Ярослав вспомнил вопрос Одолюта и спросил у Будоя, зачем отец решил крестить все свои земли.

- А чтобы сравняться с Царьградом.
- В чём сравняться?
- Во власти и могуществе, в чём же ещё.

Ярослав не особо уразумел. Судя по объяснениям матушки, христианская вера была о взаимоотношениях человека с Богом по имени Христос, Спаситель. Грехи ещё человеческие, или как оно там. Ни о какой власти матушка не говорила. Да и Илия всю дорогу в основном о любви и милосердии глаголил.

- А как отцу можно стать могущественнее от того, что ты у него крестился?

– Как, как... Смотри же: вот кто все подданные Царьграда? Христиане. И теперь если меня крестить, и остальных тоже, то у нас будет так же, как и там. Вот тебе и могущество! – с гордостью Будой закончил своё доказательство.

Ярослав погладил тугой, плотный мех медвежьей шкуры, которую ему дали укрываться, потом набросил на плечи кафтан и пошёл на выход. Босиком прошлёпал по мокрому двору – грека поселили в другие хоромы – и дошлёпал до его покоев.

- Чего тебе, отрок? – как всегда радостно улыбнулся ему Илия.
- А зачем люди крестятся?
- Ради спасения. Ради спасения от геенны огненной и ради жизни вечной с Христом. Значит, он тогда правильно понял, о чём христианство. Ярослав уточнил свой вопрос:
- А зачем мой отец решил крестить и Киев, и тутошних людей?
- Ради их спасения, конечно.
- То есть чтобы... чтобы мой дядька не попал в эту самую огненную?
- Да! – не менее уверенно и гордо, чем только что Будой, впечатал Илия. – Чтобы была ему жизнь вечная. И всем остальным тоже.

Ярослав снова вышел на двор. Увидел в просвете туч полукруг луны. Остановился, взгляделся в её холодный, но притягательно яркий свет. Вспомнил отца и ту требовательную силу, которая явно от него исходила. И решил для себя, что всё-таки прав-то дядька.

* * *

Уезжавшие на Сару не вернулись в тот день вечером; их чёлн пристал к ростовскому причалу только утром. Гридни поздоровались с вышедшим встретить их Одолютом. Пока двое вытаскивали привезённый скарб, третий, длиннорукий, нескладный и смешливый, откликающийся на имя Деревень, подошёл к нему доложить о поездке и о выполненных поручениях. Утро после вчерашнего дождя стояло ясное и промозглое; вся прежняя роскошь цвета вокруг, от золота до багрянца, бурела и грозила первой же по-настоящему холодной ночью обвалиться на землю.

- Ну что, разузнали?

– А то! Все, кого спрашивали, говорят, что волхвы опять заволновались. Всё как обычно: мол, сведут леса, вырубят священные рощи, и мир закончится. А один из них, на Синь-Камне, кричал людям, что из Киева грядёт великая беда. Беда-беда.

– Из Киева? – нахмурившись, переспросил Одолют. – Вчера к нам доехал сын Владимира, которого тот послал княжить у нас. Эти лешие что, против княжеской власти теперь баламутят?

- Правду бают, что он отрок, да ещё хромой?
- Правду.

– Да кто ж его тогда слушать-то будет? – засмеялся Деревень. – Вот засада так засада.

– Ты и будешь, – негромко отрезал Одолют и принялся расспрашивать его о других делах поездки.

Одолют происходил из северных воинов. Отец, боярин Святослава Одорега, рассказывал, что их род восходит к тем русам, которые самыми первыми прошли от Волги к Ростовскому озеру и обложили местных мерян данью. С тех пор они исправно служат Рюриковичам: смотрят за порядком на этой земле, собирают дань и условленную её часть отправляют своим князьям, сначала было в Новгород, а теперь в Киев. В жёны себе брали дочерей у местных и довольно быстро подзабыли и шведский язык, и шведских богов, но крепко сохраняли воинские обычаи неистовых норманнов. Мать Одолюта происходила из торгового рода, который возводил себя к Тяшерею, древнему великому вождю. В их семье было принято проводить обряд посвящения в род над подрастающими сыновьями, и она уговорила мужа провести его над Одолютом. Как оказалось, приобщение к роду Тяшереивичей ничего от Одолюта не потребовало, даже наоборот – его тамошние дядья помогали ему в случае нужды и практически ничего не просили взамен. В результате он привык обращаться к ним за советом, и даже когда дядья умерли, эту приятную обязанность взяли на себя их сыновья и внуки. Хотя, впрочем, те уже иногда что-то просили для себя, но в меру, не напрягая его излишними желаниями.

Отец в своё время втолковывал ему, что восстания подопечного населения начинаются с недовольных разговоров на торгах или капищах. Помня это, Одолют всегда был внимателен к тому, о чём начинают шептаться в старом Ростове. Привезённые же нынче новости отличались от прежних. Толки о гибели мира из-за вырубок лесов привычны – он знал, что тут нужно предпринять. Здесь же заговорили о Киеве, а значит, о княжеской власти, и такое случилось впервые.

Он решил съездить в старый Ростов. Захотелось посоветоваться с Рякшей, с купцом из своей мерянской родни, с которым он особенно ладил.

Когда Одолют собрался в дорогу и уже шёл к причалу, под ноги попался князь; слово за слово, и вот уже тот, радостный, садится с ним в чёлн. Что ж, пусть посмотрит на главный город земли, доставшейся ему в удел.

- А далеко нам ехать?
- Нет, пару часов пути. До вечера управимся.
- А рыбы здесь много водится?
- Достаточно.
- А старый Ростов большой?
- Меньше Киева.
- Ну это само собой...

Одолют внимательно приглядывался к отроку, к тому, как он себя ведёт, какие вопросы задаёт. Вчера он намётанным взглядом человека, который из многих юнцов сделал бойцов, определил, что из Ярослава, если отложить в сторону его хромоту, вполне может получиться неплохой воин. Сегодня же Одолюту хотелось разобраться с тем, какой из того может выйти князь. Вроде отрок смыслён, импульсивен, самолюбив. Узнав о намерении Владимира отправить к ним одного из своих сыновей, наместник встревожился, что придётся отдавать бразды правления: слишком много усилий за все эти годы было потрачено им на эту землю. Он, потомок северных бродяг, прикипел к ней, научился находить общий язык с ростовской чадью. Намерение же Владимира грозило разрушить выстроенное им. С одной стороны, его несколько успокоил возраст выделенного им князя – вполне можно было рассчитывать управлять им, делая вид, что подчиняешься. С другой стороны, к отроку прилагался дядька из киевских бояр. Будой сразу не понравился Одолюту. Неглупый, упрямый, преданный своему воспитаннику – от него вполне можно было ждать неприятностей.

Чёлн пересёк озеро по диагонали, вошёл в русло Сары. Вскоре показался город, запертый с трёх сторон в излучине реки и выплёскивавшийся на другой её берег полями да огородами.

Внутренняя сторона излучины, как частый гребень, истыкана причалами. Повсюду сновали или стояли привязанными деревянные челны и одноместные лодки-берестянки. Поднявшись на твёрдый настил, Одолют приказал одному из гридней остаться здесь, а второму показать князю торг (у князя загорелись глаза), и пошёл во двор Рякши.

Хозяин, как выяснилось, куда-то вышел, и, пока холоп ходил за ним, Одолют, отказавшись войти в дом, уселся на завалинке, погреться напоследок перед зимой на ещё тёплом солнышке.

А вот и Рякша, с руками-окороками, которыми он, как обычно, ласково поддерживает брюхо – выпирающий во все стороны знак своего достатка и благополучия.

– Здраве будь, Одолют.

– И тебе не хворать.

Рякша, кряхтя, присел рядом с ним, и они принялись расспрашивать друг друга о здоровье, о домашних, о вещих снах и слухах из дальних земель. Начинать сразу с дел считалось невежливым.

– Отобедаете со мной? – спросил наконец хозяин.

Одолют кивнул – за едой можно и к делу перейти. Обед оказался уже накрыт, во дворе же, под раскидистой липой, которую хозяин всячески отказывался срубить, несмотря на привычную для старого Ростова тесноту усадеб.

За репой со свининой Одолют сказал, что пришёл за советом. Владимир, мол, прислал своего сына к ним, княжить. И всё-то ничего, да мал-то князь, а в придачу ещё и хром. Что можно сделать, чтобы местные и не подумали пойти в отказ повиноваться и платить дань такому князю?

– Да, это, конечно, Владимир киевский придумал, – сказал Рякша и покачал головой. – Вот уж беда тебе. Оно, конечно, можно силой всё порешать, но ты же вроде кнутом не хочешь пока, раз ко мне пришёл?

– Верно, не хотелось бы.

– Ну, раз кнут пока не годится, можно попробовать пряником. Если от имени твоего князя пойдёт какая льгота податному люду, тут-то он им и глянется.

Намёк прозвучал прозрачный. Вот уже который год ростовская чадь просила уменьшить дань бобровыми шкурами: мол, леса сводятся и зверь уходит всё дальше на север.

– Пряник – вещь хорошая, – сказал Одолют. – Подумаю, какой можно.

– Подумай, подумай. Многим было бы обидно больному дитю кланяться.

– Знаю я, знаю.

Рякша согласно покивал и вздохнул, переходя к своей части разговора.

– Да, вот ещё. Ты как-то говорил, что с моего младшего может хороший воин получиться... Я согласен. Пусть идёт к вам, в ваши воины.

– Это ты о Сахеме? – оживился Одолют. – Да, дело доброе. Не хочет, говоришь, отцовским путём? Ну что ж, привози его, пусть вместе с князем учится с коня копьём бить. Они как раз одногодки. Князь сейчас Ростов оглядывает, хозяйственный отрок.

– Ты его сюда привёз? А покажи, глянуть хочу.

– Нет, – отрезал Одолют. – Сам приедешь, через недельку. Как положено. Подарки привезёшь. Ну и Сахому заодно. Втолкуй ему, чтобы князю хорошо служил.

Рякша вздохнул. Одолют знал, что тому желание сына не нравилось, блажью его считал, но всё же малой-то батю уговорил.

Неспешной дорогой домой наместник решил расспросить Ярослава, что того поразило больше всего в городе.

– Шумящие бронзовые подвески на женщинах, – засмеялся он. – И то, что женщины сами выплавляют себе эти украшения.

– Обереги, – поморщился Одолют. – Не украшения, а обереги. Но то глупости. Что из серьёзного там показалось важным?

Ярослав задумался, пытаясь понять, что же он от него хочет.

– Торжище, – вроде догадался он. – В Киеве оно, конечно, куда больше, но многого, чем здесь торгуют, я там никогда не видел.

– Да, это одно из сердец не только города, но и всей земли вокруг. Его сразу видно. Но есть ещё одно: капище, священное место народа.

– Я видел и его.

– Не впечатлило? – улыбнулся Одолют.

– Не-а.

– А ведь это сердце поважнее, чем торжище.

– В Ростове так?

– Да.

– А в Киеве – нет.

Одолют помолчал, понимая, что имеет в виду отрок. И ответил:

– Ну, мы-то сейчас в Ростове. И здесь именно так.

* * *

Утром Ярослава разбудили звуки спора между его дядькой и ростовским наместником. Первый упрямо выяснял, когда же собираются приносить присягу князю; второй спокойно отвечал, что не все гридни ещё вернулись из разъездов. Ярослав вспомнил, что с сегодняшнего дня у него начинается настоящее обучение владению оружием, соскочил с постели и принялся торопливо одеваться.

Во дворе уже разминались отроки.

– Чего опаздываешь? – спросил его Зыка и кивнул в сторону малышей. – Давай к ним.

– Че-го? – протянул Ярослав. Самому старшему из тех, с кем его отправляли тренироваться, было шесть лет, но там усердно махали палкой, напоминающей короткий меч, и четырёхлетки.

Зыка прикрикнул на него, Ярослав ожёг того взглядом, молча развернулся и отправился искать Одолюта. Быстро найдя, налетел на него со сбивчиво-злой досадой.

Наместник понимающе кивнул и спокойным тоном объяснил:

– Если тебя сейчас отправить к сверстникам, то сначала они будут дивиться твоему неумению, а после дружно смеяться над тобой. Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, это быстро-споро освоить первые уроки и с этим уже перейти к сверстникам.

Самое обидное, что Одолют ещё не окончил своё объяснение, как Ярослав понял, какого дурака он сейчас валяет. Он что-то буркнул и, красный от гнева, уже на самого себя, вернулся к Зыке и его мальчикам.

Зыка, не говоря ни слова, показал ему, медленно и несколько раз, какое простое движение они сейчас отрабатывают. И Ярослав влился в занятие. Потом был момент, когда до него донёсся голос Будоя, снова на повышенных тонах что-то требующего от Одолюта, и он зло-радно ухмыльнулся.

В тот день он настолько вымотался, что уснул до того, как его голова коснулась подушки.

На следующее утро занятия отменили. Ярослав сначала решил, что ему будут давать присягу, но тут появился Илия в красивом ярко-синем облачении и принялся крестить всю ростовскую дружину. Потом по этому поводу устроили пир, и мышцы Ярослава, за компанию с разболевшейся ногой, весьма радовались целому дню отдыха.

И последующий день оказался праздничным. Вся ростовская дружина вкупе с киевским пополнением торжественно присягала ростовскому князю «слушаться его как старшего брата»,

пока смерть, сам ростовский князь или князь киевский не освободят их от этой присяги. Естественно, такое событие тоже переросло в пир.

Потом снова начались «удары», «повороты», «отходы». Из-за наступившей дождливо-грязной поры года коней на открытый воздух даже не выводили, тренировались пешему бою или доступным частям боя с седла. Ярослав иногда наблюдал, как прыгают и кувыркаются старшие отроки, и после этого с ещё большим рвением налегал на удары и повороты.

Дни шли, а сойтись с кем-то из отроков ему не удавалось. Занимался он с малыми, которые его скорее опасались – и потому, что он был князь, и из-за приступов бешенства, порой находивших на него из-за тяжести уроков. Ему глянулся Зыка, но тот на занятиях вёл себя подчёркнуто начальственно, а после сразу уходил к своим приятелям.

С другой стороны, после присяги он сразу вошёл в круг старшей дружины. Те имели привычку раз в два-три дня после ужина собираться на думу, помозговать текущие дела, принять решение. Теперь на такие думы приглашали и самого Ярослава, и его дядьку.

На первых его собраниях в основном решали мелкие вопросы типа лечения захворавшей кобылы, но потом вошли в довольно долгое обсуждение строительства церкви для Илии. Судили-рядили, в конце концов сговорились: поставить ему избу вне княжьего двора, с печью по-белому, снабжать дровами – и пусть он там себе церквит, сколько хочет. Тогда же Ярослав случайно проговорился, что грек не занимается с ним науками, хотя Владимир, отправляя того в Ростов, вменил ему оное в обязанность. Одолют помрачнел, и на следующий день Ярослав узнал, что его грамматические страдания возобновились. Илия учил его по своим книгам, сюжеты которых были новы и необычны для отрока. Ярославу легко удалось, проявляя интерес к ним, а не к спряжениям, приучить учителя к совместному чтению и обсуждению прочитанного. Кроме того, выяснилось, что грек пробует говорить по-славянски, и существенная часть их уроков, в конце концов, вообще сменила направление: теперь Ярослав сам порой учил своего учителя, как правильно выговаривать те или иные слова и как нельзя строить фразы, что доставляло ему громадное удовольствие.

Чем дальше, тем чаще он оказывался свидетелем стычек Будоя и Одолюта. Сначала они ему скорее нравились – умеет же дядька настаивать на своём! – но потом стали его утомлять. Ярослав попробовал разобраться, чего в общем и целом хочет каждый из них. С дядькой-то понятно: тот считает, что Одолют не даёт ему, князю, править своим уделом. И это было сущей правдой – ростовский наместник и после присяги сам по-прежнему всё решал. Понять Одолюта оказалось сложнее и дольше, но в какой-то момент во время очередного спора он увидел, как того бесят придирки и как тот уже устал от того, что к грузу его обычных обязанностей добавилась ещё и беда таскать за собой злого пса, вцепившегося в его сапог.

После этого Ярослав продумал разговор со своим дядькой, осуществив его в тот же вечер. Сердитым шёпотом, чтобы не слышали соседи, он приказал ему отстать от Одолюта. Как-то же раньше ростовский наместник заботился о дружине и собирал дань со всей земли? И нормально это делал. И сейчас пусть продолжает, пока сам Ярослав не разберётся во всём и не возьмёт вожжи в свои руки. В конце концов, кто из них двоих князь, Ярослав или Будой?

И хотя после этого разговора Будой не перестал совсем нападать на Одолюта, но теперь такое случалось пореже да и потише.

По одному, со степенными поклонами и подарками, приезжала к князю ростовская чадь. Одолют разъяснял ему, что это знакомство, что они представляют ему себя и ту часть торга или земли, над которыми у них есть влияние. Дары, привезённые ими, означают, что они признают верховенство князя над собой.

– Только не думай, что парой корзин с репой они соглашаются исполнять любые твои повеления, – заранее предупреждал он князя.

Дары и правда были не очень впечатляющими – что-то скоропортящееся от последнего урожая или тушки кур и гусей, которых к зиме как раз начинали резать. Уток, как выяснилось,

здесь не разводили и не били на охоте. Считалось, что они, живущие во всех трёх мирах – на земле, в воде и в воздухе, – являются священными существами.

Однажды, когда Одолют заглянул посмотреть, как продвигается постройка избы-церкви, Ярослав решил спросить его:

– А почему ты не как Ростов и легко меняешь своё сердце?

Одолют прищурился, а затем бережно вытащил свой меч. Положил его на ладони и, не отводя мягкого взгляда от матовой полоски смертоносного металла, спокойно сказал:

– Вот это моё сердце, моё капище. И горе тому, кто захочет у меня его отнять.

* * *

О, сколь славна и благостна доля того, кто спасает других Святым крещением! Илия знал, что едет в этот гиперборейский хлад и глушь совершать великий подвиг во имя Христово, и не боялся ни тягот, ни смертельных опасностей. Милостью Господа он благополучно добрался до Киева, потом ещё дальше, в Залесье, в землю, про которую мало кто и слыхивал. Слава Богу, он участвовал в крещении главного города на Днепре, а теперь сам уже крестит людей в Ростове, и вот по воле Господа в городе ставится церковь; да, лачуга-лачугой, как и всё вокруг в этой нелепой земле, но всё равно ж – Божий храм.

Настают последние, временные лета, дни труда и спасения.

Он довольно быстро преодолел обнаружившееся речевое препятствие и в один из морозных дней отправился нести слово Божие на улицы города. Люди охотно шли на разговор с ним, слушали, кивали, улыбались. Некоторые уходили, но многие оставались с ним, внимая ему порой часами. Они легко соглашались с тем, что настают последние времена, что спасти может только Бог и что этот странный чужеземец, так смешно коверкающий их слова, может рассказать им о воле этого Бога. После считанных дней его страстной проповеди появились первые желающие креститься. Илия был невероятно рад этому. Уже видя в них честных христиан, он поделился с ними одним из неперемennых условий христианской жизни: нужно снести капища местных духов, сиречь чертей и демонов.

И вот тут люди, прежде доброжелательно настроенные к нему и к его идее крещения, вдруг или начинали ругаться, или замыкались в себе и уходили прочь, или даже делали вид, что хотят его побить и отгоняли подальше, аки пса шелудивого.

Глубоко сожалея о неудаче, Илия несколько дней просидел в своей тёмной каморке, молясь и каясь. Потом снова решил выйти на проповедь, но молва уже разнесла по всему городу, что этот странный тип требует от них святотатства, и от него шарахались или отгоняли.

Он решил опробовать новое поприще и стал ходить в старый Ростов берегом озера. Иногда его подвозили попутчики, но, бывало, он преодолевал упрямым пёхом сотню стадий, это только в одну сторону и не всегда по утопанному снегу. Тамошние жители уже знали о его речах, но относились к нему мягче, считая его не то помешанным, не то волхвом необычного толка. Некоторое время горела надежда крестить этих добрых людей, но любая надежда, в конце концов, гаснет: всё дело в сроке.

Одолют узнал об этих его путешествиях и распорядился побыстрее закончить церковь, чтобы тому было чем заняться и не мотаться зимой к соседям. Некоторое время Илия радостно обустроивал свой бедный храм, но дружину удалось уговорить захаживать туда не чаще раза в неделю, а в остальное время он находится там в полном одиночестве. Поэтому через некоторое время он снова стал бродить улицами нового Ростова; местные же жители привыкли к нему и перестали обращать внимание. Ну, ходит себе и пусть ходит.

В тот горестный период разлада с ростовчанами у него отняли и выбросили его крест. С тех пор он бродил по городу, держа в руках импровизированный крест из палочек и верёвочек. Однажды какой-то ребёнок лет трёх-четырёх засмеялся фигурке в его руках:

– Человечек! Игрушечный человечек!

Илия глянул на свой крест взглядом ребёнка и действительно увидел в нём детскую куклу. Он улыбнулся – и неожиданно для самого себя отдал свой крест малышу. Тот взял игрушку, а на следующий день подошёл с нею к дяденьке Илие, чтобы тому не было обидно, и попросил поиграть с ним этой игрушкой вместе. Через некоторое время Илия уже рассказывал ему о добром человеке, который одновременно был могущественным богом, а тот только и разевал рот. Через день он пришёл уже с братом, и они вдвоём слушали удивительные сказки от дяденьки Илии.

И вот вскоре ростовчане постоянно видели на своих улицах растрёпанную фигуру грека, зябко кутающегося во всё, что только можно, в окружении стайки детей разного возраста. Он рассказывал им удивительные истории о Христе, о царе Соломоне, о юном Давиде, поразившем великана Голиафа, о сгоревших от гнева Божия Содоме и Гоморре, а они с замиранием сердца внимали. Однажды он принялся им объяснять, что всё это совсем не сказки, что это было на самом деле и что это истина. Детвора тут же принялась сердиться, мол, все сказки – правда как она есть, истинная истина, иначе и не бывает. Он махнул рукой и принялся дальше рассказывать им о Марии и Иосифе с Младенцем.

Однажды он спросил их, не хочет ли кто из них креститься. Дети переглянулись – между ними давно были уже не только малыши, но и почти юноши, лет десяти-двенадцати, – и всей гурьбой пошли в его церковь. Он с немыслимой щедростью зажгёт все свечи, чтобы отпраздновать их крещение.

Так в Ростове появились первые христиане.

* * *

Когда полностью вступала в свои права зима, когда устанавливались речные пути, ростовская дружина весело выезжала собирать дань. Полюдьё начинали с южной части Залесья, где вдоль рек и речек сложным узором тянулись ряды дворов и пашен. Они двигались извилистым кругом по наезженному из года в год пути, на нить которого были нанизаны бусины селений, освобождая их жителей от части собранного ими урожая.

Ярослав тяжело икнул и отложил ложку. Ему все уши уже прожужжали поговоркой, что плох тот гридень, который на полюдьё не ест за семерых, но не до такой же степени!

– На здоровье, – поспешно сказал ему хозяин избы, где они остановились. Несколько семей пришли сюда с Днепра лет десять назад и ещё не совсем обустроились на новом месте. Часть из них до сих пор жила в землянках. Но князю со товарищи, естественно, выделили лучшее жильё. Кормили тоже от пуза.

За столом кроме Ярослава и хозяина мерно поднимали ложки ко рту и опять погружали их в горшок с кашей Одолют и пятеро гридней. Ярослав поднялся и вышел на свежий воздух. Синее небо ударило по глазам, привыкшим к задымлённой полутьме избы. Возле соседней землянки разговаривали Будой и какой-то старик. Ярослав зашагал к ним, надеясь, что движение утрясёт внутри него всю приятную тяжесть дармовой каши.

– Ну вон, видишь? – старик поднял руку со скрюченными в разные стороны пальцами, указывая не пальцем, но всей своей пугающей метлой, на серое пятно на горизонте. – Вон там. Буря идёт. Снега нанесёт, мало не покажется.

– И? – спросил Будой.

– Реку заметёт, не проедете. Вам бы сейчас поторопиться, тогда хорошо, тогда успеете. Впереди ветра будете идти, всё легче.

– Вишь, что он бает? – обернулся Будой к Ярославу. – Буран, мол. Ему скажи, нужно в дорогу собираться.

«Ему» – это, конечно, Одолюту. Их кото-псовая дружба дошла уже до той степени, когда стараются не называть друг друга по имени. В этой поездке они, не сговариваясь, на ощупь разделили обязанности: за Одолютом – сбор дани и суд, за Будоем – забота о дружине и охрана собранного.

Ярослав всмотрелся в выпирающую тучку и вернулся в избу.

– То они избавиться от нас поскорее хотят, уж не знают как, – буркнул Одолют, но на улицу всё ж вышел и тоже стал всматриваться в горизонт. Потом, наморщив лоб, что-то мысленно просчитал и отдал команду холопам запрягать сани, а дружине – седлать коней.

Холопы сносили зерно в сани, стоявшие на крепком льду речки. Ярослав полюбовался, как его Ждан легко качает на весу пудовый мешок, который он держал одной рукой за завязанную горловину. Этот дюжий детина как-то на спор закинул на спину пять полупудовых мешков с зерном и без особого напряжения пробежался с ними взад-вперёд.

Одолют попросил хозяина созвать людей, и когда те собрались, обратился к ним.

– Ну, люди добрые, князь доволен вами, – сказал он и положил ладонь на плечо князя, как бы показывая этим, что имеет право говорить от его имени в его же присутствии.

Ярослав выпрямился, стараясь принять позу отца, как её хранила его память, и кивнул, подтверждая, что он и правда доволен ими, своими подданными.

– Твоя воля, князь... Батюшки мои... Знать оно так... – раздались нестройные голоса. Женщина с животом на сносях в голос заплакала; рядом стоявший мужик, то ли муж, то ли просто сосед, цыкнул на неё, и она стала подвывать тише и реже.

– Баба. Не обессудьте, – обратился мужик к воинам перед ним, мужчине и мальчику.

– Вы собрали подать, мы её приняли, именем Владимира, великого князя киевского, и Ярослава, князя ростовского, – произнёс Одолют формулу, означающую завершение податных обязанностей данного села до следующей зимы.

Женщина с коротким взывом развернулась и, бережно придерживая одной ладонью живот, а второй вытирая слёзы, пошла куда-то. Ярослав проводил её взглядом. Затем заметил, что Одолют уже уходит, и тоже поспешил за ним.

– Мы уже всё здесь?

– Да.

Их летучий отряд собрался там, где утоптаный грязный снег переходил в покрытый белёсыми узорами изломанный сизый лёд. Ярослав оказался чуть ли не последним, кто сел в седло, и отряд не спеша двинулся через опасную для ног коней кромку изломанного льда к ровно-гладкой его поверхности на середине реки. Отсюда путь шёл быстрый и весёлый, с дробным перестуком копыт по водной тверди, с поскрипываниями саней и хрипылыми от мороза выкриками возниц: «Поехали!... Но, давай, милая!...» Кто же не любит быстрой езды меж ажурных стен покрытых снегом деревьев, в прозрачном до звона воздухе зимы.

Вскоре им в спину задул настойчивый ветер, поднялась позёмка, но заряд снежной бури то ли прошёл мимо по касательной, то ли рассыпался, так их и не догнав.

Ещё до наступления быстрых зимних сумерек они добрались до следующего селения, более зажиточного и крупного.

Очередная, как говорил Одолют, встреча овец с пастухом. Эти не выглядели ни ушибленными, ни перепуганными. Староста встретил их уважительно, но не подобострастно. Ярослав, как учили, принялся запоминать имя старосты, чей он сын, какие у него повадки, хорошо ли он живёт и иные, полезные для пастуха мелочи.

Первыми всегда с коней ссаживались старшие воины; гридни оставались в седле, нависая своей мощью над собиравшимся людом. Одолют показывал Ярославу, когда видно, что местные успели принять их своими пастухами и не станут бузить. После этого можно и гридням спешиваться.

– Оружие при этом не вынимать и даже не указывать на него, – повторял он. – Меч, он такой: вытащил его – значит, бей!

Вечер прошёл в беседах со старостой, в обустройстве на новом месте и в добром ужине. Удивительно, но за время переезда они успели проголодаться.

На следующий день первым делом занялись, как положено, судом. Ещё за ужином долго выясняли со старостой, кто с кем и о чём спорит: ничего необычного, избитые споры о меже и возмещении обид. На открытое место перед домом старосты вынесли стол повыше, на который сел князь. Все остальные стояли или прохаживались рядом. Суд двигался быстро. Одолют ещё вчера разобрался с существом дел и сегодня лишь нашёптывал Ярославу обдуманное им решение.

Когда вроде со всем закончили, и староста на всякий случай спросил, нет ли у кого ещё челобитной князю, из толпы вперёд вышел парень лет восемнадцати с острыми, упрямыми глазами.

– Княже, буде мне старшим братом, рассуди меня с Налимом-то Меничем.

Он, как положено, отдал князю земной поклон, но с настороженной надеждой поглядывал на Одолюта. В толпе раздались смешки. Вскоре из неё степенно выступил дородный отец семейства с побагровевшим лицом, недовольно косясь даже не на истца, а на посмеивающийся люд.

– Чего тебе, Шерема? – рассердился староста, видимо, слишком хорошо зная, чего.

Ярослав кинул гневный взгляд на него, вмешивающегося в дело между народом и князем, и ободряющим тоном обратился к Шереме:

– Говори, добрый человек. Я тебя слушаю.

– Скажи Налиму Меничу отдать за меня свою Первицу, – не отводя внимательных глаз от Одолюта, сказал он.

Тут народ дружно грохнул. Отец семейства ещё сильнее побагровел, хотя это казалось невозможным, и утомлённо поглядывал на соседей. В его взгляде, прежде уверенном в себе до высокомерия, горевало выражение «ну хватит уже, ну пожалуйста».

– Объясни, – обратился Ярослав к Налиму, – почему ты не хочешь выдавать дочь за Шерему? Чем он тебе плох?

– Да ему все женихи плохи, – чей-то смеющийся голос даже не столько судящему князю это довел, сколько просто высказался вслух.

– Да хорош, хорош тот Шерема, – устало согласился отец семейства и Первицы, – за него почти любая девка у нас пойдёт. Вот пусть их и берёт!

– Объясни тогда, почему ты не хочешь отдавать за него свою Первицу. Она ли плоха?

Народ просто взвыл, кто-то уже хватался за животики. Налим Менич, наверное, впервые посмотрел в лицо Ярославу.

– Да она у меня золото, а не девка!

– Она ему всё делает по хозяйству, вот он и не хочет такую работницу терять, – прозвучал тот же голос из толпы, на этот раз намеренно обращающийся к судящему князю.

– Позовите Первицу.

В этом месте Одолют принялся настойчиво шептать Ярославу, что над девой отец хозяин и бог, нужно сказать это зарвавшемуся Шереме и всё. Ярослав кивнул и повторил:

– Позовите Первицу.

Из толпы вытолкнули девушку, не очень юную, но миловидную. Она разок глянула с какой-то обречённостью, на парня, мнувшего в руках шапку, потом опустила голову и руки и стояла, подрагивая, в центре всеобщего внимания.

– Люб ли тебе Шерема? Пошла бы за него?

Дева молчала. Своей округлостью и невысоким ростом она напомнила ему мать. Ярослав повторил вопрос.

Каким-то образом ей удалось беззвучно произнести «да».

Ярослав несколько удивился и невежливо брякнул Шереме:

– А чего ж тогда, коли ты ей люб, ты не увёл её?

Одной из разновидностей брака издавна служил «увод», когда жених тишком – когда насильно, когда нет – уводил невесту: или из-за того, что она за него не хотела, или из-за отказа её родителей, или из-за того, что обе семьи бедны и таким образом хотят избежать расходов на свадьбу своих детей. Выход вполне заурядный, но не слишком уважаемый.

Парень побагровел, став теперь похожим на Налима, и ответил:

– Хочу жениться как положено, как богами заведено и предками завещано.

Ярослав пожал плечами, отмахиваясь этим заодно от продолжающегося настойчивого шёпота рядом.

– Возьмёшь её без приданого?

– Возьму! – Шерема вскинул на Ярослава загоревшиеся глаза, наверное, впервые серьёзно посмотрев на него.

– Так тому и быть. Тебе жена, – кивнул он Шереме. – Тебе выгода, – кивок Налиму.

В толпе снова засмеялись, на этот раз негромко и скорее одобрительно. Но некоторые угрюмо качали головами. Налим стоял, потупив взор в землю.

– Сегодня свадьбу и сыграйте, – подумав, добавил Ярослав.

В тот же день сыграли наспех устроенную свадьбу, где место отца невесты, по сути, досталось Ярославу. Он был не против. Да и молодёжь чуть ли не водила вокруг него хороводы, смеясь и приплясывая. Налим не показывался, староста вздыхал, однако вот это ничуть не трогало Ярослава. Он грелся в лучах заслуженной славы. Лишь плохо скрываемое неудовольствие Одолюта порой бросало ложку дегтя в его бочку радости.

Без особых происшествий, быстрым чёсом закончили они сбор дани в Ополе. Перед тем как переходить к северной части Залесья, заехали в Ростов, чтобы завезти собранное да поменять состав отряда. К дороге была уже готова пара десятков гридней вместе с Мальфредом. Это был угрюмый усач, выглядевший как скандинав из саг, в отличие от давно смешавшегося с местными Одолюта. У дедов дружины было развлечение в бане: когда там оказывался новичок, смотреть, как у него глаза лезут на лоб от шрамов Мальфреда.

Они шли теперь на север. Поля с пятнами рощ постепенно сменились лесом с расчищенными под пашню участками. Здесь дань берут воском, мёдом, берёзовым дёгтем. Спутники говорили, что дальше пашен вообще нет, там леса и болота. Но леса богатейшие – в них били соболя, чёрно-бурую лисицу, добывали бобра, а уж об обычных белках с куницами и говорить не стоит.

Иными становились и обитавшие здесь люди. Охотник, способный что завалить медведя, что бить в глаз белку, это почти воин. В прямом бою княжий муж одолеет и троих лесных, пусть и хорошо вооружённых. Однако лесные до прямого боя старались не доводить. Любимым их приёмом были атаки из засады: в первые секунды неожиданного и изобретательного нападения завалить, кого выйдет, а потом или уйти, или добить оставшихся.

Вскоре выяснилось, что округой ходит разбойная ватага, грабя торговые караваны. Двинулись в ту сторону. Дружина даже как-то раз удачно подоспела к наспех устроенной крепости из перевёрнутых саней, за которой держали оборону новгородские купцы. Разбойников не застали: услышав приближение всадников, те тут же растворились в лесу.

Одолют принялся выспрашивать местных, не известно ли им, где ватага прячется для отдыха.

– Заплачу серебром, – добавлял Одолют, если видел, что его просьбу воспринимают спокойно.

– Почему бы и не помочь в добром-то деле, – примерно так отвечало большинство, кивало – но и только.

Один раз перед ними на дороге возник охотник, совсем юный; только-только, видимо, прошедший через обряд становления мужчиной. Без предисловий сказал, что видел чужаков на привале, много.

– Где видел? – спросил Одолют.

Тот назвал место. Мальфред вытащил горсть дирхемов, подкинул их на ладони.

– Видишь? Будет твоё, если мы найдём их. Пока вот, задаток, – он протянул ему серебряную монету. – За остальным придёшь позже.

Тот с блеснувшей в глазах радостью взял монету, свистнул свою собаку и спокойно скрылся с ней в лесу, не говоря ни слова.

– Что будем делать? – спросил Одолют.

– Недалеко. Добежим быстро, – ответил Мальфред.

– Это если пойдём верхом, без груза.

– Сани нужно оставить.

– Может, сначала отправить разведать?

– Стоит ли? Пока будем разведывать, они и уйдут.

– Ну а если их там нет, просто проедемся, – согласился Одолют и отдал команду вернуться: парой вёрст назад они прошли мимо места, удобного для устройства круговой санной крепости, защищённой с одной стороны непроходимым болотом, с другой – открытыми местами, непростреливаемыми из лука.

Там оставили князя с Будоем, всех холопов и четверых воинов. В центр завели распряжённых коней, и, не теряя времени, пастухи налегке отправились убивать волка в его логове.

– А ты его раньше видел, этого охотника? – спросил Одолют.

– Нет. А чего спрашиваешь?

– Да и сам не знаю, – поморщился он. Охотник как охотник, молодой, хочет, видимо, жениться, а на выкуп не хватает. Услышал про серебро. Не от него самого, он сам тоже его не помнил. Ну, кто-то ему сказал. Наткнулся на ватагу, понял, что ему повезло. Получил дирхем, обрадовался. Почему обрадовался? Одной монетой жену не выкупить. Остальное, сказали, потом. А вдруг обманут? Или разбойники уже снимутся с места? А ведь он обрадовался... Одолют постарался припомнить выражение его лица – и вдруг понял, что в его улыбке была не просто радость, но злорадство... Он сделал своё дело – и молча ушёл. Но какое же дело он сделал?

Остановившись, Одолют приказал всем идти обратно, да поскорее!

Когда уехавшие товарищи скрылись за стеной деревьев, Ярослав вздохнул и присел на край саней. Он даже не пытался просить их взять его с собой. Перед его глазами до сих пор стояли лица торопливо собирающихся воинов, светящиеся предвкушением битвы. Сейчас ему хотелось выть с досады, что они скоро напоят свои мечи кровью врагов, а он так и будет тут сидеть и караулить собранную рухлядь.

Он проводил глазами Ждана, который в компании со своим приятелем, ленивым прохиндеем Вяншей, пошёл нарубить дров. Ну да ничего нового: Ждан работает, а Вянша развлекает его своими побасёнками.

– Что, обидно? – спросил Деревень и присел рядом с ним. В его глазах играли смешливые искорки, а вся фигура излучала удовольствие от того, что можно отдохнуть от седла, да ещё с краюхой хлеба в руке. – Ничего, твоё от тебя не уйдёт. Навоюешься.

Ярослав ещё раз вздохнул и прошёлся вокруг их стана, оглядывая на всякий случай окрестности. Нет ли где лихого человека или хотя бы лихого медведя. Гридни, сидевшие каждый в своей части крепости из саней, провожали его взглядами. Будой, расположившийся возле коней, тщательно осматривал свой меч; потом вытащил точило. Нагулявшись, Ярослав вернулся к Деревеню. Тот всё сидел на том же месте и не спеша жевал хлеб, время от времени зажмуриваясь от удовольствия.

Сзади, со стороны болота, раздался вскрик – и оборвался хрипом. Ярослав повернул голову, увидел, как заваливается тело сторожившего там Малюты, как из его шеи торчит стрела с чёрно-белым оперением. Ярослава сбросило с саней, потому что Деревень резко вскочил; он упал, но тут же поднялся. Все гридни были уже на ногах, с мечами в руках, прикрывая головы щитами. В них, в кольчуги постукивали стрелы. Одновременно в освободившееся после падения Малюты незащищённое пространство всё впрыгивали и впрыгивали лесные, вооружённые кто топорами, кто длинными ножами, и все с самодельными щитами. Кольчуг ни на ком вроде не было.

На Ярослава летел один из лесных, юркий, целеустремлённый, ненамного старше его. Он встретил его ударом. Металл пролетел ровной полуокружностью и должен был войти в незащищённое бедро нападавшего. Почти получилось: серьёзно пробить хорошо выделанную лосиную шкуру у него не вышло, но от удара тот споткнулся и чуть не упал. Этого времени Ярославу хватило, чтобы выдернуть из саней свой щит; в следующее мгновение он уже стоял в привычной стойке. Юркий лесной снова шёл на него, отводя руку для взмаха топором. В голове Ярослава кто-то заговорил голосом Зыки: «Закрылся, удар, поворот, удар, присел, наискось...» – и он послушно следовал его указаниям. Эмоций нет, словно это очередное занятие – только с другой стороны кто-то незнакомый, с искажённым от азарта лицом.

Довольно быстро Ярославу удалось его до крови зацепить, но тут из шума битвы вокруг на него выпрыгнул ещё один лесной, уже повзрослее и помощнее. Они оба стали напротив него, в вершинах равностороннего треугольника, явно готовясь к одновременному нападению. Ярослава впервые кольнул страх. Не успели кинуться на него – с правой стороны верхом на неосёдланном коне в этот треугольник влетел Будой. Конь прямо втоптал второго из них, а Ярослав тут же добил того, своего. Огляделся, не нужна ли кому его помощь. Будой без паузы каким-то образом смог дать своему коню понять, куда теперь двигаться – в сторону Деревеня, который отбивался от сжимавших его в кольцо противников. Ярослав же зашагал к окровавленному Одополку, сражающемуся с двумя. Один из них увидел его приближение, отвлёкся, чтобы встретить. Это была его ошибка, последняя в жизни: освободившись от необходимости отбиваться от них одновременно, Одополк сделал «раз», сделал «два» – облегчённо оглянулся и тут сразу как-то обессиленно упал на колено, неловко упёр меч в землю и уронил голову на руку, лежащую на рукояти.

Откуда-то донёсся грохот копыт, от которого подрагивала мёрзлая земля, и клич Одолота:

– Живыми! Возьмите живыми!..

На этом битва практически и закончилась. Увы, из лесных на тот момент остался в живых только один, но и из него жизнь уже вылетала вместе с хрипом и кровью из рта.

Когда принялись осматривать тела, выяснилось, среди них были заваленные не только мечами, но и топором. В пылу битвы и скачки не сразу сообразили, в чём дело, но потом все дружно посмотрели в сторону Ждана. Тот отчего-то смутился и спрятал за спину топорик, который до сих пор держал в руке.

После этого взялись за раненых. Одополк получил, по сути, царапину, хоть крови из неё вытекло прилично, а Ярослав в первый раз увидел, что всегда спокойный Одолот может взволноваться. Одополк совсем недавно перешёл в гридни из отроков, и отец, пойдя несколько против правил, взял неопытного ещё сына на лесное полюдь. Повезло, хоть не так сильно, и Малюте. Стрела пронзила насквозь его шею, впрочем, ничего серьёзного там не задев.

После Одолота велел собираться. Поднялась суета, все хотели поскорее уйти отсюда.

В очередной раз проходя мимо Ярослава, всё стоящего возле убитого им, Одолот легонько ткнул кулаком того в плечо:

– Что, первый на твоём счету?

Ярослав поднял на него глаза. И, не говоря ни слова, похромал к своим.

Глава третья

Закончив полюдьё, князь с дружиной вернулись домой, в тот самый Ростов, чьё название Ярослав порой мысленно уже произносил как тогда Будой: «Росто-ов! Росто-ов!»

Теперь он знал, что в этой лесистой, болотистой, нелепой земле любил Одолют. Вот её саму – со всеми её морозами, с весенними ручьями вместо дорог, со скрипучим клёкотом тетеревов, с просторами для весёлой скачки, с шумом деревьев над головой. Главное же, он сам полюбил её за то, что вся она находилась под его мечом. Да, не его меч её завоевал, но именно он её удерживал, защищал. Он бился, он пролил кровь врага.

Первая битва ещё долго возвращалась ему снами. Она дала ему понять всю его ещё слабость и неумение владеть оружием. Теперь он сам, без понуканий учился мужскому делу – до кровавых мозолей, до кружения в голове. Вдобавок он особенно зауважал Зыку – за то, что именно его голосом кто-то говорил ему тогда, что нужно делать.

Он даже наконец-то сошёлся с почти сверстником, с Одополком. Да и можно ли было ожидать чего-то иного после того их совместного боя?.. Внешне Одополк походил на мать, которую Ярослав пару раз мельком видел – стройная крепкая женщина в неизменной кике над широким лбом и такими же широкими скулами, усыпанными светлыми веснушками. Характер же он взял у отца, спокойный и выверенный. Ярослав с Одополком не то чтобы проводили теперь друг с другом много времени, но когда какие-то бытовые заботы сводили их вместе, они оба открыто радовались этому и всегда находили, что рассказать интересное друг другу.

Два лета подряд ростовская дружина вместе с ним то ходила бить непокорных вятичей, то отгоняла печенежские набеги на южные рубежи. В перерывах между этим они ставили городище у Плещеева озера, вокруг которого рассаживались убегающие от беспокойной степи пахари.

Зимой устраивали полюдьё; непролазной весной и осенью продолжались уроки с греком. Ярослав тогда отправлялся в его церковь, в которой, как оказалось, начала теплиться жизнь – правда, детская. Особенно же ошеломило Ярослава то, что один из этих чад, сын княжьего холопа десятилетний Смышлён, учится у его грека эллиникий. Отец мальчишки не ошибся с именем – тот уже мог перекинуться с Ярославом парой фраз, а в чтении чуть ли не догнал его.

На третье лето отважились стать на Волге, там, где в неё впадает Которосль. Быстрым навалом, все вместе поставили двойной частокол, пространство между которым засыпали землёй. Волга – дело непростое, здесь на ней хозяйничают булгары. Тем более важно охранять своих купцов, которые этой Которослью и выходят на широкое полотно Волги, чтобы повернуть на юг, к тамошним торгам.

Однажды из Киева прилетел гонец, да не с устной речью, но с грамотой, записанной славянскими письменами. Позвали Ярослава; тот, уже встречавший эту приспособленную к славянской речи эллинскую запись, смог, морща лоб, прочесть приказ – лично приехать в Киев и привезти собранную дань.

Гонца повели кормить, поить и расспрашивать о новостях. Одолют задумчиво посмотрел на князя:

– Тебе придётся запомнить много чего, чтобы отвечать на вопросы Владимира о нашей жизни тут. Он расспрашивать будет и о мелочах, я-то его знаю.

– Раз надо, так запомню, – шмыгнул носом князь.

– Что закручинился? Отца же увидишь.

Ярослав опустил голову, сердито промолчал. Владимир – его отец, но есть ли у него вообще отец? Старший князь есть, это точно. И, видимо, он всё же поедет к нему, а не к отцу.

* * *

Вот и снова Киев, огромный, переполненный людьми, где на Днепре больше судов, чем у них в Ростове жителей; Киев, раскинувший свою власть далеко на север, на восток, на запад – и только с юга в его силу упирается и грозит снести её копытами своих коней извечная тамошняя мощь степняков. Ещё дядька его прадеда назначил небольшому городку на Днепре стать столицей всех русских земель, далеко не столь раскидистых во все стороны света, как ныне. Ярослав иногда пытался осмыслить, как воля одного человека может так убедительно и мощно действовать и после его смерти, и после смерти тех, кто пришёл ему на смену, и далее, и далее... И каждый раз он отступал, ошеломлённый размерами и непреклонностью этой воли.

Ярослав вышел на причал. Пришлось подождать, пока выгрузят и привезённую дань, и их вещи; потом все отправились в Верхний город. А там уже раскинулось огромное здание с блестящим остроконечно-круглым золотым украшением наверху. Все остановились и не менее круглыми глазами уставились на это чудо.

– Там крест, – первым обратил на это внимание Одополк.

– Ага, христианская церковь, – кивнул Ярослав. – Не сравнить с нашей избой-то.

– Чего встали-то? Владимир ждёт, – буркнул Будой. Ярослав замечал, как многие к старости теряют способность удивляться, и его дядька вовсе не был исключением.

Вот и княжий двор, не такой многолюдный, как в первый их приезд. На крыльце в отведённых им покоях стоят воины с хорошо одетым отроком.

– Всеволод, ты? – неуверенно спросил Ярослав, взглядевшись в его лицо.

Мальчик недоумённо оглядел его – и припоминал бы ещё долго, если б его дядька, одноглазый Рокош с глубоким шрамом наискось лица, не подсказал ему:

– Твой брат старший, Ярослав.

Малой радостно вспыхнул и бросился к нему обниматься. Чуть погодя Ярослав мягко отодвинул брата, всё ещё лънущего к нему, и спросил:

– А чего ты здесь? Тебя же отец отправил княжить в Волынь.

– А тебя тогда же – в Залесье, – логично ответил брат. – Батюшка всех нас, старших своих сыновей, к себе нынче вызвал.

Ярослав изо всех сил постарался не рассмеяться на это «нас, старших», прозвучавшее от застенчивого, ласкового, большеглазого мальчонки. Честно говоря, он больше похож на девчушку, переодетую в отрока, чем на самого отрока. И дело было не в возрасте – Ярослав хорошо помнил себя в его годы, да и многие дружинные отроки в Ростове выглядели воинами по сравнению с князем Всеволодом. Он просто вёл себя по-девчачьи. Ярослав сердито подумал, что его дядька, воевода Рокош, мышей-то не ловит.

Потом до него дошло, что именно ему сказал малой.

– Так здесь и остальные наши братья?

– Да. Я видел уже и Вышеслава, и Святополка. Мстислава ждём.

– А Изяслав что?

– Его не ждут. За ним отец и не посылал.

Ярослав кивнул. Да, Изяслав тогда обнажил меч против Владимира, и тот за это не только отослал его в Полоцк, но и исключил из числа тех, кто имеет право на киевский стол.

– Про него с матушкой что-то слыхал?

– Изяслав отстраивает Полоцк. На ляхов ходил. Сын у него родился, и девчонка потом. А матушка... матушка инокиней Анастасией стала. Изяслав-то ей монастырь выстроил.

– Ну да. А ещё что-то знаешь? – нетерпеливо спросил Ярослав; про это он и сам слышал. Малой наморщил лоб.

– А, сюда девчонок наших привезли. После того как матушка затворилась, батюшка велел их к нему.

– И где они сейчас?

– В Предславине, там же, где мы раньше и жили.

Это действительно была новость, и Ярослав сделал себе зарок съездить туда, повидать сестёр.

– А ты сам как?

Оживившись, брат принялся рассказывать о городке Владимире, в котором он княжил. Судя по его словам, его и за пределы города редко вывозили. Когда он сказал «у меня есть меч, с которым я играю», Ярослав бросил злой взгляд в сторону Рокоша, но промолчал.

К крыльцу подошёл посыльный со словами, что Владимир ждёт к себе сына своего Ярослава вместе с Будоем.

– А я уже виделся с батюшкой, – похвастался Всеволод.

– И что он тебе говорил? – не удержался от вопроса Ярослав, хоть и знал, что задерживаться нельзя.

– Не помню, – признался тот. – Он всё с дядькой моим беседовал. Сердился чего-то.

– Хорошо, коли так, – проворчал Ярослав и наконец ушёл звать Будоя.

Их привели к открытой столовой Владимира, рядом с его хоромы: место с невысоким помостом и навесом, украшенным резной свисающей бахромой, над столом, за которым могли спокойно поместиться десятка три человек. С одного торца сидел Владимир в специально сделанном для него кресле. На нём он мог держать прямо свою левую ногу и уложить особым образом на подлокотник правую руку. Ни перевязок, ни тем более пятен крови на нём видно не было, да и сам он выглядел бодро, если не считать сильно поседевшей головы. На роскошной алой скатерти рядом с ним стояли блюдечки с орехами, лесными ягодами, какими-то маленькими лепёшками и здоровенный серебряный кубок, наверное, привезённый из самого Царьграда. С другой стороны стола скучал его дядька Добрыня, который в дальнейшем не слишком прислушивался к разговору и даже время от времени куда-то уходил.

– Всё ещё хромаешь? Ну здравствуй, сын. И ты тоже, Будой.

Голос отца не изменился, такой же негромко-пронзительный, способный в любой момент взлететь в крик. Без предисловий Владимир начал расспрашивать обо всех ростовских делах. Ярослав заметил, что тот, не зная, к кому из них с Будоем обращаться, сначала смотрел как-то между ними. После того как Ярослав сам начал бойко отчитываться, отец довольно кивнул и перевёл внимание на него одного.

Владимир чуть задумчиво кивал, когда Ярослав отвечал по поводу сбора дани. Одобрительно поднял брови, когда речь зашла о строительстве городищ. Поморщился, как от попавшей в чашу с питьём мухи, когда узнал, сколько у них гридней.

– Мало. Очень мало! – бросил он.

Ярослав обиделся и похвастался, что и врагов они откидывают, и разбойников бьют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.